S 78
224

№ 146.
Отд. Б.

S 78/224

УГЛИЧСКІЕ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ.

Изслѣдованіе А. В. Экземплярскаго.

Ярославль.
Типографія Губернскаго Правленія.
1889.

S 78/224
2007041112
Публ. библ. имени В. И. Ленина С. С. С. Р.
Ф31-13110

Угличскіе владѣтельные князья.

(Изслѣдованіе А. В. Экземплярскаго.)

Угличъ, теперь уѣздный городъ Ярославской губерніи, расположенный на правомъ берегу Волги, ниже Калязина, въ древности имѣлъ два названія: *Угличъ* и *Угличе Поле*.

Время основанія и личность основателя Углича—неизвѣстны. Въ лѣтописяхъ въ первый разъ городъ этотъ упоминается подъ 1149 годомъ, когда происходила борьба между дядей и племянникомъ, Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ и великимъ княземъ Кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ. Изяславъ прибылъ въ 1149 году въ Новгородъ, гдѣ княжилъ сынъ его Ярославъ, и отсюда съ новгородцами, псковичами и корелами пошелъ къ устью Медвѣдицы, гдѣ соединился съ братомъ своимъ Ростиславомъ. Посолъ, еще раньше отправленный Мстиславичами къ Юрію, не возвращался, такъ какъ задержанъ былъ Долгорукимъ. Братья Мстиславичи вступили въ Суздальскую область и начали жечь города и селенія по Волгѣ, отъ устья Медвѣдицы до Углича и Мологи [1]). Не знаемъ, отъ чего произошло самое названіе города Углича. Впрочемъ, мѣстныя лѣтописи (къ которымъ нужно относиться весьма и весьма осторожно), а за ними и историкъ Углича Кисель, производятъ названіе Углича или отъ *угла* (рѣки), или отъ *углей*, которые здѣсь выжигали, или, наконецъ, отъ народа *Угличей*, жившаго въ низовьяхъ Днѣпра и переселившагося на Волгу [2]). Ни одного изъ этихъ объясненій, конечно, нельзя принять, пока не найдется къ тому достаточныхъ основаній.

При Всеволодѣ Ш Юрьевичѣ Ростовско-Суздальская земля, какъ извѣстно, дѣлилась на двѣ половины: въ одной, собственно Суздальской области сидѣлъ самъ великій князь въ своей столицѣ, Владимірѣ; вторая же половина, древняя Ростовская область, въ 1207 году отдана была Всеволодомъ старшему сыну

---

1) П. С. Р. Л. I, 139; II, 40 (подъ 6656 г.); VII, 45.
2) *Ѳ. Кисель*: „Исторія г. Углича". Ярославль 1844, см. Введеніе.

Константину. Въ лѣтописяхъ говорится, что Всеволодъ Юрьевичъ далъ сыну своему Константину Ростовъ «и инѣхъ 5 городовъ да ему къ Ростову» [3]). Эти города въ лѣтописи не названы поименно, а между тѣмъ историки отдѣльныхъ княжескихъ городовъ Ростовской земли совершенно произвольно въ числѣ этихъ пяти городовъ считаютъ и такіе, относительно которыхъ являются сомнѣнія, могли ли они даже существовать въ то время, по крайней мѣрѣ, какъ города. При этомъ часто такіе историки, безъ провѣрки, основываются на трудахъ своихъ предшественниковъ, предположенія и догадки которыхъ, правильныя или неправильныя, являются у нихъ уже положительными фактами. Такъ напр., Кострому и Галичъ они считаютъ въ числѣ этихъ пяти городовъ, между тѣмъ какъ извѣстія лѣтописей о борьбѣ (1213—1214 г.) Константина и Юрія не дозволяютъ принять это предположеніе и притомъ же Кострома и Галичъ не были во владѣніи потомковъ Константина, тогда какъ Угличъ былъ въ ихъ владѣніи, и уже по этому одному послѣдній городъ и можетъ считаться въ числѣ помянутыхъ пяти городовъ, данныхъ Всеволодомъ сыну своему Константину въ придачу къ Ростову.

Такимъ образомъ, Угличъ при Константинѣ Всеволодовичѣ былъ только, такъ сказать, пригородомъ Ростова. Естественно является вопросъ: когда же этотъ городъ получилъ самостоятельнаго князя? Родословныя говорятъ, что когда Константинъ Всеволодовичъ отнялъ у младшаго брата своего великокняжескій столъ въ 1216 году, то старшаго сына своего Василька онъ посадилъ въ Ростовѣ, Владиміра—въ Угличѣ, а младшаго, Всеволода—въ Ярославлѣ [4]). По нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Владиміра, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно нужно считать Угличскимъ княземъ. Но первымъ ли княземъ Углича былъ Владиміръ? Историкъ Углича [5]), на основаніи мѣстныхъ лѣтописей (и въ числѣ ихъ Угличской древней лѣтописи), наполненныхъ (замѣтимъ отъ себя) баснословными сказаніями, говоритъ, что Константинъ, по смерти отца († 1212), начавши борьбу съ братомъ своимъ Юріемъ за великокняжескій столъ для того, чтобы успѣшнѣе вести борьбу, а также чтобы надежнѣе управлять и защищать свои волости отъ непріятеля, отдалъ старшему сыну Васильку Ярославль, а Всево-

---

3) П. С. Р. Л. I, 183; VII, 115.
4) Родословныя „Временника".
5) Ѳ. Кисель „Исторія г. Углича", стр. 34.

лоду Угличъ. Всеволодъ въ Исторіи Углича изображается какъ весьма дѣятельный князь, который, взявъ всю власть въ новомъ княженіи въ свои руки, упорядочивъ въ немъ управленіе и набравъ войско, устремился съ мечемъ въ рукѣ на помощь отцу своему, Константину. «Онъ всегда и вездѣ былъ правою рукою отца, много выдержалъ кровопролитныхъ битвъ, помогалъ Константину завоевать и сжечь Кострому, воевалъ съ нимъ *противъ Москвы* (курсивъ нашъ), бился вмѣстѣ подъ стѣнами Переяславля-Залѣсскаго, силою и мужествомъ своимъ отражалъ нѣсколько разъ самыя упорныя нападенія Георгіевы на Ростовъ» и пр. Въ опроверженіе мѣстныхъ лѣтописей мы считаемъ нужнымъ указать на то, что Кострому Константинъ сжегъ въ 1213 году, когда, слѣдовательно, Всеволоду было около трехъ лѣтъ (онъ родился въ 6718 г. См. Лавр. и Воскр. лѣт.) и когда онъ не могъ показать ни силы, ни мужества. Далѣе, авторъ Исторіи Углича за несомнѣнное передаетъ (конечно, на основаніи тѣхъ же мѣстныхъ лѣтописей, какъ Супоневская, Серебрениковская и др.), что Константинъ, занявъ, въ 1216 году, великокняжескій столъ и желая достойно наградить своихъ сыновей-сподвижниковъ, далъ старшему сыну Василько княжество Ростовское, Всеволоду—Ярославль, а внуку, Константину Всеволодовичу—достояніе отца его, Всеволода, т. е. княжество Угличское. Такимъ образомъ, по Исторіи Углича, выходитъ, что шестилѣтній Всеволодъ имѣлъ, якобы, уже сына Константина. О третьемъ сынѣ Константина Всеволодовича, Владимірѣ, ничего не говорится въ данномъ случаѣ; онъ считается третьимъ Угличскимъ княземъ и притомъ начавшимъ княжить съ 1222 года. Владиміръ же Константиновичъ, по словамъ мѣстнаго историка, княжилъ, будто-бы, прежде въ Галичѣ, а когда узналъ, что Угличскій столъ сталъ свободнымъ, то просилъ отца своего о переводѣ изъ Галича въ Угличъ. По этому извѣстію сказывается уже, что великій князь Константинъ Всеволодовичъ († 1219) былъ живъ еще въ 1222 году. Далѣе, авторъ Исторіи Углича повѣствуетъ что то невообразимо странное. «Неизвѣстно, говоритъ онъ, почему Угличъ, завися прежде отъ Ростова и будучи его наслѣдственною областью, вдругъ поступилъ въ распоряженіе великаго князя? Должно думать по тому, что великій князь Константинъ Всеволодовичъ былъ прежде самъ Ростовскимъ княземъ». Изъ этого мѣста видно, что авторъ только *думаетъ*, что Константинъ былъ, *вѣроятно*, Ростовскимъ княземъ, между тѣмъ какъ онъ же, только нѣсколькими страницами выше, передаетъ за несомнѣнный фактъ, что

Константинъ получилъ Ростовъ, Угличъ и Ярославль. Кстати замѣтимъ, что историкъ Углича почему то считаетъ Константина младшимъ сыномъ Всеволода [6]). Надобно думать, что составитель Исторіи Углича или не умѣлъ воспользоваться мѣстнымъ лѣтописнымъ матеріаломъ, или же, что послѣдній былъ вообще не чѣмъ инымъ, какъ плодомъ фантазіи мѣстныхъ любителей старины, обусловливаемымъ ложно-сентиментальной любовью послѣднихъ къ родному городу. При настоящемъ состояніи науки Русской Исторіи, эти мѣстныя преданія и лѣтописи не должны служить для историка опорными пунктами, хотя, надобно замѣтить, что и въ наше время къ нимъ нерѣдко прибѣгаютъ для пополненія пробѣловъ въ мѣстной исторіи, основываясь въ такомъ случаѣ на томъ, что эти мѣстныя преданія освящены давностью.

Не отвергая вполнѣ этихъ освященныхъ давностью мѣстныхъ преданій, мы тѣмъ не менѣе, на основаніи болѣе древнихъ, болѣе достовѣрныхъ обще-русскихъ или областныхъ лѣтописей, можемъ считать самостоятельныхъ удѣльныхъ князей Угличскихъ только съ Владиміра Константиновича.

А. Угличскіе владѣтельные князья изъ рода великихъ князей Владимірскихъ.

Владиміръ-Димитрій Константиновичъ.

р. 1214 † 1249.

Первымъ владѣтельнымъ Угличскимъ княземъ былъ, какъ мы уже сказали выше, внукъ Всеволода (Большое гнѣздо), третій, самый младшій сынъ князя Ростовскаго и нѣкоторое время великаго князя Владимірскаго Константина, Владиміръ-Димитрій Константиновичъ. Прямыхъ лѣтописныхъ указаній, когда Владиміръ получилъ Угличъ, мы не находимъ. Нѣкоторыя ровословныя [7]) говорятъ, что онъ получилъ Угличъ отъ отца, когда послѣдній занялъ великокняжескій столъ, т. е. въ 1216 году, будучи еще только лѣтъ двухъ отъ роду. Конечно, Константинъ могъ назначить сыновьямъ своимъ удѣлы и посадить

---

6) Ѳ. Кисель „Исторія г. Углича“, стр. 34—36.
7) Родосл. «Временника».

въ нихъ, за малолѣтствомъ дѣтей, намѣстниковъ, но, во всякомъ случаѣ, положительнаго мы ничего не знаемъ о времени назначенія Углича въ удѣлъ Владиміру. Въ 1218 году, по Никоновской лѣтописи, Константинъ назначилъ Василька Ростовъ, а Всеволоду Ярославль, но о Владимірѣ въ этой лѣтописи ничего не говорится [8]). Такъ какъ жена Константина въ годъ смерти своего мужа постриглась, то Константиновичи, еще малолѣтніе, находились, вѣроятно, въ то время еще подъ опекою и жили въ Ростовѣ.

Но обратимся къ біографіи перваго Угличскаго князя.

Владиміръ Константиновичъ родился въ 1214 году и при крещеніи названъ былъ Димитріемъ [9]).

Самостоятельнымъ княземъ Владиміръ Константиновичъ выступаетъ еще въ раннемъ возрастѣ. Въ 1229 году, когда ему было только 15 лѣтъ, въ распрѣ Юрія и Ярослава Всеволодовичей онъ вмѣстѣ съ братьями своими держалъ первоначально сторону старшаго дяди, т. е. великаго князя Юрія Всеволодовича, хотя, впрочемъ, не долго, такъ какъ въ скоромъ времени Ярославъ успѣлъ привлечь Константиновичей на свою сторону. На съѣздѣ въ Суздалѣ князья, какъ извѣстно, примирились и заключили дѣло примиренія, 8 сентября, пиромъ у Суздальскаго епископа Митрофана [10]).

---

8) Никон. лѣт. II, 338.

9) П. С. Р. Л. I, 185; VII, 119. Въ 6726 году въ августѣ мѣсяцѣ онъ присутствовалъ при освященіи въ Ростовѣ Борисоглѣбской церкви. Ibid. I, 187; Кар. III, пр. 179.

10) Ibid. I, 192—193; VII, 135. Въ слѣдующемъ 1230 году вмѣстѣ съ старшими братьями Владиміръ обращался къ великому князю Юрію Всеволодовичу и епископу Митрофану съ просьбою назначить въ Ростовъ на епископскую каѳедру архимандрита Владимірскаго Рождественскаго монастыря Кирилла. Въ томъ же году онъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ и братьями, встрѣчалъ Кіевскаго митрополита Кирилла, пріѣзжавшаго во Владиміръ съ цѣлію уладить дѣло между Михаиломъ Черниговскимъ и Владиміромъ Кіевскимъ съ одной стороны, и Ярославомъ Всеволодовичемъ и тѣмъ же Михаиломъ Черниговскимъ, ссорившимися изъза Новгорода—съ другой. Въ слѣдующемъ 1231 году Владиміръ Константиновичъ присутствовалъ при освященіи соборной церкви пр. Богородицы въ Ростовѣ. Ibid. I, 192, 194, 196; VII, 136. См. также соотвѣтствующее мѣсто въ біографіи Всеволода Константиновича, князя Ярославскаго. Яр. Губ. Вѣд.

Около того же времени Ярославъ Всеволодовичъ былъ во враждѣ и съ Михаиломъ княземъ Черниговскимъ по дѣламъ новгородскимъ, но уже въ 1230 году, при посредствѣ присланнаго Михаиломъ епископа Порфирія, враждовавшіе князья примирились. Но такъ какъ Черниговскій князь не соблюдалъ мирнаго договора и принималъ къ себѣ новгородскихъ бѣглецовъ, недовольныхъ Ярославомъ, то Юрій и Ярославъ Всеволодовичи и братья Константиновичи рѣшились силой оружія заставить Михаила соблюдать договоръ и пошли въ Черниговскую волость. Юрій, какъ извѣстно, по неизвѣстнымъ причинамъ воротился съ дороги, а Ярославъ и Константиновичи дошли до Серенска, выжгли этотъ городъ, осаждали Мосальскъ и много зла причинили жителямъ Черниговской области [11]).

При нашествіи татаръ Владиміръ Константиновичъ вмѣстѣ съ братьями своими, примкнувъ къ великому князю Юрію, участвовалъ въ бою на р. Сити, 4-го марта 1238 года, и, какъ замѣчено въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, былъ спасенъ Богомъ въ числѣ 15 князей отъ меча татарскаго [12]). Затѣмъ въ продолженіи лѣтъ шести о Владимірѣ Константиновичѣ мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ никакихъ извѣстій.

Въ 1244 году Батый потребовалъ къ себѣ въ орду великаго князя Ярослава, за которымъ отправились туда же и князья Ростовской области: Владиміръ Константиновичъ и племянники его, Борисъ Васильковичъ Ростовскій, родной братъ послѣдняго Глѣбъ, и двоюродный братъ Василій Всеволодовичъ Ярославскій. Какъ сказано въ лѣтописяхъ, князья ходили въ орду «про свою отчину», т. е. для утвержденія волей хана въ своихъ правахъ на наслѣдственные удѣлы. Батый отпустилъ ихъ, какъ передаютъ нѣкоторыя лѣтописи, «разсудивъ имъ, кожгдо въ свою отчину» и князья «пріѣхаша съ честью на свою землю» [13]).

Въ слѣдующемъ 1245 году Ярославъ Всеволодовичъ снова долженъ былъ отправиться въ орду, съ какою именно цѣлью—неизвѣстно. Съ нимъ поѣхали также и Владиміръ Константиновичъ и племянники его, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, и Василій Всеволодовичъ [14]).

---

11) П. С. Р. Л. I, 196; VII, 138. Серенскъ на р. Серенѣ—нынѣ село Калужской губерніи.

12) П. С. Р. Л. I, 196—225; IV, 32; V, 173—174; VII, 141, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

13) П. С. Р. Л. I, 201, 226; VII, 152; Ник. III, 18.

14) Ник. III, 19.

Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ только годъ кончины Владиміра Константиновича, послѣдовавшей во Владимірѣ 27 декабря 1249 года. Тѣло умершаго Угличскаго князя провожали Александръ Ярославичъ Невскій и другіе родичи. Погребенъ Владиміръ Константиновичъ въ Угличѣ, въ Спасской церкви [15]). Первый владѣтельный Угличскій князь былъ женатъ съ 1232 года на Евдокіи († 1278 г.), отъ брака съ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей: Андрея и Романа (причтеннаго православною церковью къ лику святыхъ) [16]).

---

15) П. С. Р. Л. I, 202, 226; IV, 38; VII, 159; XV, 396; Ник. III, 31. *С. М. Соловьевъ* (Ист. Р. III, 191), конечно, по недосмотру, считаетъ Владиміра Константиновича въ живыхъ еще въ 1252 году. Разсказывая о занятіи великокняжескаго стола Андреемъ Ярославичемъ и о напрасныхъ хлопотахъ о томъ же дяди его, Святослава Всеволодовича, историкъ говоритъ, что по смерти послѣдняго († 1252 года) по старинѣ могъ предъявить права свои на великокняжеское достоинство Владиміръ Константиновичъ Угличскій, какъ одинъ изъ старшихъ внуковъ Всеволода III, но что Ярославичи взяли верхъ, такъ какъ были сильнѣе Угличскаго князя.

16) Ibid. I, 196; VII, 138, 174; Ник. III, 67. *М. Д. Хмыровъ* (№№ 305 и 548), на основаніи неизвѣстныхъ намъ данныхъ *), считаетъ жену Владиміра Константиновича дочерью Ингваря Игоревича, князя Рязанскаго, въ міру называвшейся Надеждой, а въ монашествѣ—Евдокіей.—Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь свѣдѣнія, какія передаются о Владимірѣ Константиновичѣ, на основаніи мѣстныхъ лѣтописей и сказаній, въ „Исторіи Углича“ *Киселя*. Владиміръ считается Киселемъ третьимъ Угличскимъ княземъ (первый—Всеволодъ Константиновичъ, второй—сынъ этого Всеволода, Константинъ, котораго мы не знаемъ). Владиміръ Константиновичъ, какъ сообщаетъ Кисель, княжилъ первоначально въ Галичѣ, а въ Угличъ перешелъ въ 1222 году съ супругой и сыномъ Андреемъ; второй сынъ у Владиміра Романъ родился уже въ Угличѣ. Владиміръ, по старинным Угличскимъ лѣтописямъ, „княжилъ въ Угличѣ мирно, правосудно и

---

*) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, между рукописями бывшей Эрмитажной Библіотеки, находится, между прочимъ, Родословный сборникъ съ собственноручными поправками Императрицы Екатерины Великой. Въ этомъ Сборникѣ женою князя Владиміра Константиновича Угличскаго показана дочь князя Ингваря Рязанскаго Надежа.

Андрей Владиміровичъ.

1248 † 1261.

Лѣтописныя извѣстія о дѣтяхъ Владиміра Константиновича чрезвычайно скудны. Такъ, касательно Андрея Владиміровича по лѣтописямъ извѣстенъ намъ только годъ его смерти— именно 1261. Если предположить, что Андрей Владиміровичъ родился даже въ первый годъ супружества Владиміра Константиновича, въ 1232 году, то и въ такомъ случаѣ онъ умеръ еще очень молодымъ, лѣтъ 28—29. Былъ ли женатъ этотъ князь, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы онъ оставилъ потомство [17]).

человѣколюбиво". При нашествіи Батыя онъ не пошелъ на помощь Юрію, а собралъ бояръ и духовенство на совѣщаніе о томъ, какъ лучше спасти свою область и городъ отъ огня и меча татарскаго. На совѣщаніи рѣшено было, чтобы князь съ семействомъ уѣхалъ въ Новгородъ. Между тѣмъ, по отъѣздѣ князя и его семьи, Батый подошелъ къ Угличу и былъ встрѣченъ однимъ старымъ бояриномъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ гражданъ. Грозный завоеватель пощадилъ городъ, въ которомъ дневалъ, и, уходя, оставилъ въ немъ своихъ чиновниковъ. Владиміръ Константиновичъ возвратился въ Угличъ уже въ 1240 году. Въ 1245 году, когда Батый потребовалъ къ себѣ русскихъ князей для утвержденія за ними ихъ удѣловъ, Владиміръ не поѣхалъ въ орду: онъ предпочелъ униженію невольное изгнанничество и скитался, поэтому, съ семействомъ своимъ изъ города въ городъ до самой смерти своей, послѣдовавшей во Владимірѣ въ 1248 году. Въ томъ же году въ Угличъ, управляемый тогда однимъ бояриномъ и думою, пріѣхали ханскіе чиновники, которые, удовольствовавшись небольшею данью, ушли, оставивъ городъ въ покоѣ. Къ этимъ мало правдоподобнымъ сообщеніямъ Угличскихъ лѣтописей слѣдуетъ прибавить, что въ нихъ Батыевы татары считаются уже въ описываемое время магометанами и что Батый уже († 1255) „преставъ на судъ Творца небу и земли" въ одинъ годъ съ Владиміромъ Константиновичемъ, т. е. въ 1248 году, и пр.

17) П. С. Р. Л. I, 204; VII, 162; XV, 401; Ник. III, 40. Послѣдняя лѣтопись согласно съ другими лѣтописями, отмѣчая годъ смерти Андрея, неправильно приводитъ восходящее родство его подъ 6769 годомъ: «Преставися князь Андрей сынъ Владиміровъ, внукъ Васильковъ, правнукъ Костянтиновъ» и пр. Что касается того, былъ ли женатъ Андрей Владиміровичъ или нѣтъ, то надобно замѣтить, что нѣкоторыя лѣтописи передаютъ, что его су-

Романъ Владиміровичъ.

1248 † 1285.

О Романѣ Владиміровичѣ, причтенномъ православною церковью къ лику святыхъ, мы знаемъ не болѣе, чѣмъ о братѣ его Андреѣ. И объ немъ, какъ объ Андреѣ, лѣтописи говорятъ

пругу звали Устиньей и что она умерла въ 1278. Кажется, въ данномъ случаѣ путаницу производитъ Никон. лѣтопись, въ которой подъ 1278 годомъ (т. III, 66) сказано: «того же лѣта преставись благовѣрный князь Андрѣй Ярославичъ и жена его Устинья». На поляхъ противъ этого извѣстія читаемъ: «Андрей Ярославичъ Углиц». Карамзинъ (т. IV, пр. 182), исправляя это мѣсто, вмѣсто *Ярославича*, поставилъ *Владиміровича*, а потому и упоминаемую здѣсь Устинью признаетъ, такимъ образомъ, женой Андрея Владиміровича. Въ другомъ же мѣстѣ (ibid, пр. 113) нашъ историографъ не оговариваетъ и, слѣдовательно, признаетъ другое лѣтописное извѣстіе, по которому Андрей умеръ не въ 1278 году, а въ 1261. Но та же Никон. лѣтопись, согласно съ другими, отмѣчаетъ смерть Андрея *Владиміровича* Угличскаго подъ 1261 годомъ. Такимъ образомъ, Андрей *Ярославича* и жена его Устинья, умершіе въ 1278 году, остаются сами по себѣ, а Андрей Владиміровичъ самъ по себѣ. Кто же былъ этотъ Андрей Ярославичъ? Изъ современниковъ Андрея Владиміровича мы знаемъ одноименнаго съ нимъ *Ярославича* только одного—сына Ярослава Всеволодовича. Но этотъ Андрей Ярославичъ, какъ по Никон. лѣтописи (т. III 43), такъ и по другимъ (П. С. Р. Л I, 226; IV, 39; V, 192; VII, 164), умеръ въ 1263 или 1264 году. Такимъ образомъ, вопросъ объ Андреѣ Ярославичѣ, умершемъ, по Никон. лѣтописи, вмѣстѣ съ женой своей Устиньей въ 1278 году, остается открытымъ.—*М. Д. Хмыровъ* (№№ 21 и 305) считаетъ женой Андрея Ярославича, какъ извѣстно и по лѣтописямъ (П. С. Р. Л. I, 202, 811, 159), дочь Даніила Романовича князя Галицкаго, которая въ лѣтописяхъ не названа по имени. Вѣроятно, на основаніи указаннаго мѣста Никоновской лѣтописи Хмыровъ замѣчаетъ, что Андрей Ярославичъ былъ женатъ на дочери Даніила Романовича Галицкаго, «по нѣкоторымъ извѣстіямъ—Устиньѣ», и считаетъ ее умершей въ 1278 году. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Устиньей же онъ считаетъ и жену Андрея Владиміровича Угличскаго, кажется, на основаніи того же мѣста Никон. лѣтописи, изъ которой не видно происхожденіе этой Устиньи, какъ то принимаетъ и Хмыровъ, что указываетъ на тождество обѣихъ Устиній. Впрочемъ, происхожденіе жены Андрея Ярославича можно было опредѣлить поточнѣе, такъ какъ, по извѣстіямъ другихъ лѣтописей, она была дочерью князя Даніила Галицкаго.

только по случаю его кончины, послѣдовавшей 3 февраля 1285 года. Былъ ли онъ женатъ—неизвѣстно. Потомства онъ, впрочемъ, не оставилъ, почему Угличъ, по смерти его, и перешелъ во владѣніе князей Ростовскихъ [18]).

Димитрій Борисовичъ.

р. 1253 † 1294.

Какъ уже было замѣчено, послѣ бездѣтнаго Романа Владиміровича, Угличскій столъ перешелъ въ родъ ближайшихъ родственниковъ умершаго князя, князей Ростовскихъ. Въ Ростовѣ сидѣли тогда два брата—Димитрій и Константинъ Бори-

---

18) П. С. Р. Л. I, 227; V, 201; VII, 178; Ник. III, 31. По Тронцкой лѣт., онъ скончался въ 6791 году «Исторія Углича» говоритъ, что онъ имѣлъ въ супружествѣ Александру, извѣстную только по имени, но дѣтей не оставилъ. По этой же Исторіи, князь Романъ Владиміровичъ былъ истиннымъ отцемъ подданнымъ: строилъ больницы и странноприимные дома въ Угличѣ и въ монастыряхъ; первыя содержались на счетъ князя, а вторые—на счетъ монастырей; онъ же построилъ въ Угличѣ и другихъ городахъ и селахъ болѣе 15 церквей. На основаніи мѣстныхъ лѣтописей, «Исторія Углича» считаетъ князя Романа основателемъ города Романова. Во время княженія этого князя въ первый разъ перечисляются города и слободы, подвластные Угличу. Города эти были слѣдующіе: Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ, Желѣзный Устюгъ, Дмитровъ, Звенигородъ, новосозданный Романовъ и Угличъ, какъ столица. Слободы же, подвластныя тогда Угличу, были слѣдующія: „Борисоглѣбская, отъ нея же Романовъ начало воспріимъ; Рыбная слобода или Рыбинская, Мологская.... Сіи великосадныя слободы такъ же и иныя многія веси и села во одержаніи своемъ Угличъ имѣяше". Авторъ «Исторіи Углича», приводя эти слова, конечно, изъ какой нибудь мѣстной лѣтописи, далѣе говоритъ: «Лѣтописецъ прибавляетъ, что Угличское княжество, по числу седми городовъ, Семиградным именовалося». Романъ Владиміровичъ, по «Исторіи Углича», скончался въ 1285 году, имѣя отъ роду 60 лѣтъ, что не согласно съ приводимыми нами извѣстіями лѣтописей о женидьбѣ Владиміра Константиновича въ 1232 году.—Тѣло князя Романа положено было въ церкви Преображенія. Въ 1595 году обретены были мощи его и, по указу патріарха Іова, освидѣтельствованы митрополитомъ Гермогеномъ и перенесены въ новую каменную соборную церковь Преображенія, гдѣ и нынѣ почиваютъ въ придѣлѣ, устроенномъ во имя князя Романа. См. «Словарь истор. о святыхъ прославл. въ Росс. церкви...», стр. 235.

совичи. Въ 1286 году, съ переходомъ къ нимъ Углича, они подѣлили между собой свою отчину: Димитрій Борисовичъ взялъ Угличъ, а Константинъ—Ростовъ. Но не долго, впрочемъ, сидѣлъ Димитрій въ Угличѣ (1286—1288 гг.): года черезъ два мы снова его видимъ въ Ростовѣ [19]).

Александръ Ѳеодоровичъ.

1288 † 1294.

Александръ Ѳеодоровичъ, если онъ вѣрно названъ въ лѣтописи по отчеству, пока, за неимѣніемъ положительныхъ точныхъ данныхъ, долженъ считаться княземъ неизвѣстнаго происхожденія. О немъ есть два лѣтописныхъ извѣстія и притомъ въ одной только Троицкой лѣтописи. Именно въ этой лѣтописи говорится, что «*въ лѣто 6796, сѣде Андрѣй Александровичъ на Ярославлѣ, а Олександръ Ѳедоровичъ на Угличѣ полѣ*». Конечно, Димитрій Борисовичъ легко могъ просидѣть въ Угличѣ не весь 1288 годъ, и въ такомъ случаѣ въ томъ же году Угличъ могъ быть занятъ Александромъ Ѳеодоровичемъ. Но тогда являются вопросы: гдѣ же былъ Димитрій въ промежутокъ времени отъ 1288 года (середины или конца этого года) до 1289 года, когда, по лѣтописямъ, онъ сѣлъ въ Ростовѣ? гдѣ былъ братъ его Константинъ? наконецъ, долго ли сидѣлъ въ Угличѣ князь Александръ Ѳеодоровичъ? Этотъ послѣдній, по Троицкой лѣтописи, умеръ въ одинъ годъ съ Димитріемъ Борисовичемъ, т. е. въ 1294 году. А между тѣмъ, подъ 1293 годомъ, въ той же лѣтописи встрѣчается еще и слѣдующее извѣстіе: «того же лѣта сѣде на княженіе въ Ярославлѣ князь Ѳеодоръ (Ростиславичъ Черный), а Олександръ Константиновичъ на Угличѣ полѣ». Такимъ образомъ выходитъ, что или Александръ Ѳеодоровичъ сидѣлъ въ Угличѣ съ 1288 по 1293 годъ, или же онъ сидѣлъ тамъ только по 1289 годъ, т. е. до того времени, когда Димитрій (это извѣстно по лѣтописямъ) занялъ Ростовъ, а Константинъ, надобно полагать, сѣлъ въ Угличѣ. По Троицкой лѣтописи, событія 1294 года слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: кончина великаго князя Димитрія Александровича, занятіе великокняжескаго стола братомъ его Андреемъ и смерть Александра Ѳеодоровича Угличскаго и Димитрія Борисовича Ростовскаго. Вслѣдъ за этимъ въ Троиц-

---

19) Полную біографію князя см. въ статьѣ нашей «Владѣтельные князья Ростовскіе» (Яросл. Губ. Вѣд. 1887 г. № 90).

кой лѣтописи говорится: «и по немъ (Дмитріи) сѣде братъ его Константинъ Борисовичъ»; въ другихъ же лѣтописяхъ прибавлено, что Константинъ, сѣвши въ Ростовѣ, отдалъ Угличъ сыну своему Александру [20]). Само собою разумѣется, что Константинъ могъ отдать сыну только то, чѣмъ онъ владѣлъ, поэтому надобно полагать, что еще до 1294 года, т. е. до года смерти Димитрія, Константинъ уже сидѣлъ въ Угличѣ. Вѣроятнѣе всего, что Константинъ занялъ Угличъ съ 1289 года, такъ какъ въ этомъ году произошла, видимо, какая то перемѣна въ занятіи городовъ князьями (мы подразумѣваемъ, предположительно, удаленіе Александра Ѳеодоровича изъ Углича), перемѣна, вслѣдствіе которой Димитрій Борисовичъ занялъ Ростовъ [21]).

Константинъ Борисовичъ.

р. 1255 † 1307.

Въ предыдущей біографіи князя Александра Ѳеодоровича мы уже высказали свои соображенія относительно того, когда именно Константинъ Борисовичъ могъ занимать Угличъ (1289—1294 гг.). Что же касается до полной біографіи этого князя, то она помѣщена въ нашей статьѣ «Владѣтельные князья Ростовскіе» (см. Яросл. Губ. Вѣд. 1887 года № 93).

Александръ Константиновичъ.

р. 1286 † 1302.

Объ Александрѣ Константиновичѣ до насъ дошло весьма мало извѣстій. По лѣтописямъ, онъ родился въ 1286 году [21]). Въ 1294 году, по смерти Димитрія Борисовича, Ростовъ, какъ извѣстно, перешелъ къ Константину Борисовичу, и послѣдній отдалъ въ томъ же 1294 году Угличъ, въ которомъ сидѣлъ, сыну своему Александру [22]). Наконецъ, подъ 1302 годомъ, лѣ-

---

20) П. С. Р. Л. I, 227—228 См. также соотвѣтствующія мѣста въ біографіи Димитрія Борисовича, кн. Ростовскаго (Яросл. Губ. Вѣд. 1887, №№ 90 и 91).

21) Ibid. I, 227; IV, 44; V, 201; VII, 179; Ник. Ш. (Въ двухъ послѣднихъ—подъ 6795 годомъ). О разнорѣчіяхъ лѣтописей и нашихъ историковъ относительно дѣтей Димитрія и Константина Борисовичей см. біографію князя Димитрія Борисовича Ростовскаго въ Яросл. Губ. Вѣд. 1887, № 90 и 91, примѣчаніе 79.

22) П. С. Р. Л. I, 227; IV, 44; V, 201—202; VII, 180—181; Ник. Ш, 93. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей, Але-

тописи сохранили намъ еще одно только извѣстіе объ этомъ князѣ, а именно о женидьбѣ его, не сохранивъ, впрочемъ, имени его супруги [23] а).

Юрій Александровичъ.

† 1320.

Если Юрій Александровичъ пережилъ своего отца, то естественно, что онъ занималъ послѣ него Угличъ. Нельзя, однако, опредѣленно сказать, до какого именно года княжилъ Юрій въ Угличѣ. Есть основанія думать, что онъ послѣдніе годы своей жизни занималъ Ростовъ. Догадки какъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, такъ и о происхожденіи Юрія Александровича отъ Константина Борисовича, а не отъ брата послѣдняго Димитрія, мы изложили въ статьѣ нашей «Владѣтельные князья Ростовскіе», къ которой и отсылаемъ читателя.

На Юріи Александровичѣ прерываются извѣстія о князьяхъ Угличскихъ изъ рода князей Ростовскихъ или Владимірскихъ. Въ дошедшихъ до насъ грамотахъ мы встрѣчаемъ имя Углича только при Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ. Этотъ князь распоряжается уже Угличемъ, Галичемъ и Бѣлоозеромъ, какъ своею собственностью, называя эти города куплею дѣда своего Ивана Калиты. Это, впрочемъ, нѣкоторыми, весьма компетентными учеными [23] б), отвергается на томъ простомъ основаніи, что въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ ни Калита, ни его преемники до Димитрія Донскаго, ничего не говорятъ о покупкѣ означенныхъ городовъ. Мы не знаемъ, какъ и кѣмъ управлялся Угличъ до Донскаго. Надобно думать (если только наши догадки вѣрны), что Юрій Александровичъ, занявъ Ростовъ, удержалъ за собой и Угличъ, который и составлялъ до присоединенія его къ Москвѣ часть Ростовскаго удѣла.

Теперь перейдемъ къ исторіи второй группы Угличскихъ князей изъ дома великихъ князей Московскихъ.

ксандръ Константиновичъ занялъ Угличъ въ 1293 году, а по большинству — въ 1294 году.

23 а) Ibid. I, 228.

23 б) Напр. проф. *Сергѣевичемъ* въ его «Исторіи русскаго права», изд. 1887 года.

Б. Угличскіе владѣтельные князья изъ дома великихъ князей Московскихъ.

Петръ Дмитріевичъ.

р. 1385 † 1428.

Выше мы замѣтили, что не знаемъ, кѣмъ управлялся Угличъ послѣ Юрія Александровича до послѣднихъ дней жизни Димитрія Ивановича Донскаго. Изъ Московскихъ князей только Донской первый сталъ распоряжаться Угличемъ, какъ своей собственностью: своимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ, какъ извѣстно, назначилъ Угличъ сыну своему Петру, но притомъ не какъ главный удѣлъ, а какъ придаточный къ Дмитрову.

Петръ Димитріевичъ, шестой изъ восьми сыновей Димитрія Донскаго, родился 29 іюня 1385 года ([24]). По духовному завѣщанію отца своего, онъ получилъ Дмитровъ съ Выпигородомъ и Берендѣевой слободой, село Богородицкое на Боголѣ, Угличъ, названный въ духовной куплею Калиты, и Тошну съ Сямой ([25]). Впрочемъ, по одному, относимому къ 1405 году, изъ договоровъ великаго князя Василія Димитріевича съ Владиміромъ Храбрымъ, Угличъ поступилъ въ 1405 году во владѣніе послѣдняго [26]). Къ тому же 1405 году относятъ договоръ Василія Димитріевича съ братьями его, Андреемъ и Петромъ Димитріевичами, по которому великій князь обязывался «печаловаться» вотчинами братьевъ и, между прочимъ, и Дмитровомъ [27]). Надобно полагать въ такомъ случаѣ, что этотъ послѣдній договоръ состоялся позднѣе договора великаго князя съ Владиміромъ Андреевичемъ (Храбрымъ), такъ какъ въ послѣднемъ договорѣ великаго князя съ братьями объ Угличѣ ничего не говорится. Ни откуда, однако, не видно, былъ ли вознагражденъ чѣмъ-нибудь за Угличъ Петръ Димитріевичъ. По договорной грамотѣ великаго князя съ братьями отношенія младшихъ братьевъ къ старшему устанавливались такія: младшіе братья должны быть со старшимъ «за одинъ (и) до живо-

---

24) П. С. Р. Л. VIII, 49; Ник. IV, 147. По Троицкой лѣт. (т. I, 223) онъ родился 26 іюня и крещенъ пр. Сергіемъ.

25) Ibid. VIII, 57; Ник. IV, 188; С. г. г. и д. I, № 34. О переходѣ Углича и другихъ волостей отъ одного князя къ другому см. въ біографіи Угличскаго князя Константина Димитріевича.

26) С. г. г. и д. I, № 38.

27) Ibid. № 37.

тѣ»; друзья и враги у нихъ—общіе; ни старшій безъ младшихъ, ни младшіе безъ старшаго не должны были заключать договоровъ; великій князь по отношенію къ младшимъ братьямъ становился «въ отца мѣсто» и долженъ былъ держать ихъ въ братствѣ и чести безъ обиды, печаловаться ими и ихъ отчинами; между прочимъ и тогда, когда вотчины младшихъ братьевъ будутъ и за ихъ дѣтьми. Кромѣ того, молодшіе братья обязывались, по той же договорной грамотѣ, *жить въ Москвѣ* (курсивъ нашъ), блюсти подъ старшимъ братомъ, его женой и подъ его дѣтьми то, чѣмъ его, великаго князя, благословилъ отецъ ихъ и что онъ, великій князь, самъ себѣ «примыслилъ»; наконецъ, младшіе же братья обязывались безъ ослушанья идти туда, куда будутъ посылаемы отъ великаго князя [28]).

Когда въ 1406 году Псковъ начали одолѣвать съ одной стороны нѣмцы, съ другой Литва, то Псковичи, не надѣясь на одни свои собственныя силы, обратились сначала къ Новгороду; послѣдній, однако, дѣйствовалъ, по отношенію къ самостоятельному младшему брату своему бывшему прежде его пригородомъ—Пскову, двусмысленно. Псковичи, не получивъ дѣятельной помощи отъ Новгородцевъ, обратились вмѣстѣ съ Новгородцами къ великому князю Московскому, съ просьбою прислать имъ князя. Великій князь отпустилъ брата своего Петра, который, впрочемъ, насколько можно судить по лѣтописямъ, не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ Новгородцевъ и Псковичей противъ нѣмцевъ и Литвы. Въ лѣтописяхъ говорится только, что Петръ Димитріевичъ пріѣхалъ въ указанномъ 1406 году въ Новгородъ и пробылъ тамъ десять дней, а затѣмъ въ Новгородѣ уже видимъ брата его, князя Константина Димитріевича [29]).

Причиною столь быстраго возвращенія Петра Димитріевича обратно въ Москву, по всему вѣроятію, были личныя его дѣла: по крайней мѣрѣ, 16 января того же года великокняжеская семья пировала въ Москвѣ свадьбу Петра Димитріевича, женив-

---

28) Жить въ Москвѣ началъ обязывать своихъ ближайшихъ родичей Димитрій Ивановичъ Донской, вѣроятно, съ одной стороны съ цѣлью придать болѣе блеска своей столицѣ, а съ другой, можетъ быть, и съ болѣе отдаленною цѣлью пріучить общество къ мысли, что удѣльные князья рано или поздно обратятся въ князей служилыхъ.

29) П. С. Р. Л. III, 102—103; IV, 109, 197 (подъ 6915 г.); V, 19 (тоже), 256; VI, 132 (подъ 6913 г.); Ник. IV, 316; Кар. V, пр. 197.

шагося на Евфросиніи Поліевктовнѣ, внукѣ послѣдняго Московскаго тысяцкаго, Василья Васильевича Вельяминова [30]).

Въ 1408 году, при быстромъ нашествіи на Москву Едигея, великій князь, какъ большею частію бывало въ подобныхъ случаяхъ, уѣхалъ съ семействомъ въ Кострому. Защита же Москвы была имъ поручена дядѣ Владиміру Андреевичу Храброму и братьямъ Андрею и Петру Димитріевичамъ. Къ счастію Москвы, ордѣ въ это время угрожалъ врагъ какой-то царевичъ, претендовавшій на ханскій престолъ, а потому Едигей, ограничившись сравнительно незначительнымъ выкупомъ, ушелъ отъ Москвы обратно въ орду [31])

Извѣстно, что Василій Димитріевичъ купилъ въ ордѣ ярлыкъ на Нижній-Новгородъ, на который естественно имѣли всѣ права прямые отчичи его, потомки Андрея Ярославича Суздальскаго, дѣти Бориса Константиновича, Иванъ и Даніилъ. Въ 1410 году, а по другому извѣстію—въ 1411 году, Борисовичи рѣшились пойти на Нижній съ князьями Болгарскими, Жукотинскими и Мордовскими. Противъ нихъ великій князь Московскій выслалъ своего брата Петра Димитріевича съ князьями Ростовскими, Ярославскими и Суздальскими. Бой между противниками произошелъ при селѣ Лысковѣ 15 января. Петръ Димитріевичъ проигралъ битву: Борисовичи „сташа на костехъ“, не выигравъ, впрочемъ, насколько видно, что нибудь отъ этой побѣды [32]).

---

30) Ibid. VI, 133; VIII, 80; Ник. V, 8 (подъ 6915 годомъ). По имени—Евфросиніей названа жена Петра Димитріевича только въ Софійской второй лѣтописи. Воскресенская лѣтопись (т. VIII, 151), подъ 1466 годомъ, говоритъ, что она умерла „живъ долго въ черницехъ и въсхимѣ на Москвѣ у Вознесенія, нареченная въ мнишескомъ чину Ефросинія“. Указатель къ 8 томамъ П. С. Р. Л., неизвѣстно на какомъ основаніи, даетъ ей монашеское имя Евпраксіи. Тотъ же Указатель, а также Родословная роспись Головина (№ 513) и М. Д. Хмыровъ (№ 738) почему то считаютъ ее дочерью Поліевкта Васильевича Вельяминова тысяцкаго Новгородскаго, а не Московскаго. Надо, однако, замѣтить, что Поліевктъ Вельяминовъ даже и не былъ тысяцкимъ, такъ какъ послѣднимъ тысяцкимъ и притомъ Московскимъ былъ отецъ его, Василій Васильевичъ. См. Энц. лекс. Плюшара, IX, 336.

31) Ibid. VI, 136; VIII, 83; Ник. V, 23.

32) Ibid. XV, 485; Ник. V, 36. Село Лысково, Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда.

Въ 1425 году скончался великій князь Василій Димитріевичъ и великокняжескій столъ занялъ сынъ его Василій. Братъ умершаго великаго князя Юрій Димитріевичъ Звенигородско-Галицкій предъявилъ свои права старшинства на великокняжескій столъ, и между дядей и племянникомъ возгорѣлась продолжительная и упорная борьба. Это предвидѣлъ, кажется, самъ Василій Димитріевичъ. Не надѣясь на добрыя отношенія къ своему сыну—наслѣднику братьевъ своихъ, Юрія и отчасти Константина, онъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, поручилъ сына исключительно попеченію тестя своего Витовта и братьевъ Андрея и Петра. Петръ Димитріевичъ, какъ и Андрей, оправдали довѣріе старшаго брата: въ возгорѣвшейся между Василіемъ Васильевичемъ и Юріемъ Димитріевичемъ борьбѣ они были на сторонѣ племянника [33]). Впрочемъ, надобно замѣтить, что изъ лѣтописей не видно, чтобы Петръ Димитріевичъ принималъ очень дѣятельное участіе въ этой междуусобной борьбѣ.

Въ слѣдующемъ 1426 году, по извѣстіямъ лѣтописей, въ Псковѣ, Новгородѣ, Торжкѣ, Твери, Волокѣ, Дмитровѣ, въ самой Москвѣ и другихъ городахъ появилась моровая язва, не прекращавшаяся и въ послѣдующіе два года. Вѣроятно, отъ этой язвы скончался и князь Петръ Димитріевичъ въ Дмитровѣ въ самомъ началѣ февраля 1428 года [34]).

Какъ выше уже было сказано, Петръ Димитріевичъ женатъ былъ на дочери Поліевкта Васильевича Вельяминова, но потомства отъ этого брака не оставилъ.

Владиміръ Андреевичъ *Храбрый*.

р. 1353 † 1410.

Владиміръ Андреевичъ, младшій изъ двухъ сыновей Андрея Ивановича, внукъ Ивана Калиты, родился 15 іюля 1353 года, въ «сорочины» (40-й день) смерти своего отца, какъ замѣчено въ лѣтописи [35]). По смерти старшаго брата своего

---

33) Ник. V, 82 и слѣд.

34) П. С. Р. Л. V, 263 (подъ 6935 г.); VI, 143; Ник. V, 94. Умеръ въ Дмитровѣ, а положенъ въ Москвѣ въ церкви архангела Михаила. Въ Софійской 1-й лѣтописи сказано, что онъ умеръ въ субботу мясопустную. (Въ 6934 году Пасха была 31 марта).

35) Ibid. IV, 62; V, 228; VII, 217; Ник. III, 202.

Ивана († 1358), онъ одинъ съ матерью остался на отцовомъ удѣлѣ, къ которому, по завѣщанію великаго князя Ивана Ивановича, въ 1359 году, прибавилась еще Московская треть. «Приказываю отчину мою Москву, сказано въ завѣщаніи, сыномъ своимъ, князю Дмитрію и князю Ивану, а братаничу моему, князю Володимеру, на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть, и въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что потянло къ городу...» То же самое впослѣдствіи подтвердилъ и Дмитрій Донской. Изъ Серпуховскаго удѣла, принадлежавшаго Владиміру Андреевичу, при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ отошла къ Рязани Лопастня, вмѣсто которой Владиміръ получилъ Новый-городокъ, на устьѣ р. Поротли. При Дмитріи Донскомъ, вслѣдствіе завѣщанія Ивана Калиты, онъ получилъ треть изъ волостей княгини Ульяны, второй жены Ивана Даниловича. Самъ Дмитрій Донской далъ Владиміру, по просьбѣ его при посредствѣ митрополита, Лужу и Боровскъ, а преемникъ его—Волокъ и Ржеву съ волостями. Впослѣдствіи Василій Дмитріевичъ, по особому договору, взялъ эти города назадъ, а вмѣсто нихъ далъ Владиміру Городецъ и Угличъ. Наконецъ, ему даны были: Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ съ куплей Пересѣтовой [36]).

Общественная дѣятельность Владиміра Андреевича началась весьма рано. Въ 1362 году, когда ему было еще только 9 лѣтъ, онъ принималъ участіе въ походѣ великаго князя Димитрія Ивановича къ Переяславлю противъ Димитрія Константиновича Суздальскаго, добившагося ярлыка на великокняжескій столъ, и противъ Димитрія Галицкаго, тогда же изгнаннаго изъ удѣла [37]) Года чрезъ четыре (въ 1366 году) князья Димитрій и Владиміръ задумываютъ «поставити городъ Москву каменъ» и задуманное приводятъ въ исполненіе [38]).

---

36) С. г. г. и д. I, №№ 25, 26, 33—35 и 38. Съ в. кн. Ивана Ивановича, по его духовному завѣщанію, Москва стала дѣлиться на три жребія: одинъ принадлежалъ великому князю, другой—потомкамъ Владиміра, третій—дѣтямъ и внукамъ Донскаго. Если было нѣсколько сыновей или внуковъ у князя-третчика, то они пользовались родовой третью по очереди по-годно. Такимъ образомъ, пятерымъ сыновьямъ Владиміра Андреевича приходилось пользоваться третью чрезъ четыре года въ пятый (ibid. № 40).

37) П. С. Р. Л. I, 231; IV, 64; V, 229; VIII, 12; XV, 428; Ник. III, 219—220,—IV, 3—5.

38) Ibid. VIII, 14; Ник. IV, 13. Въ 1364 г. былъ страшный пожаръ въ Москвѣ. «И той зовется великии пожаръ еже от

Конечно, всѣми этими дѣйствіями руководили умные совѣтники великаго князя, а не сами малолѣтніе дѣти. Но важно и то, что эти дѣти привыкали дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Тѣмъ же лицамъ принадлежитъ, конечно, и мысль опредѣлить отношенія двоюродныхъ братьевъ договоромъ. Передаемъ сущность содержанія этого договора. Младшій братъ, Владиміръ, обязывается, по этому договору, держать подъ старѣйшимъ братомъ великое княженіе честно и грозно, а старѣйшій —держать младшаго въ братствѣ; оба обязуются не ссылаться ни съ кѣмъ безъ обоюднаго согласія; обоюдно не вмѣшиваться одному въ управленіе волостями другаго; ордынскую тягость и проторь младшій братъ дастъ старѣйшему по давнимъ свертканъ; младшій долженъ служить старѣйшему брату безъ ослушанія «по згадцѣ» (уговору), а бояре и слуги его, кто гдѣ ни жилъ бы, должны быть, въ случаѣ войны, подъ стягомъ великаго князя [39]). Этотъ договоръ, надобно полагать, состоялся въ 1364 г. позднѣе мѣсяца октября, иначе здѣсь былъ бы упомянутъ и родной братъ Дмитрія, Иванъ, скончавшійся въ октябрѣ 1364 года.

Въ 1368 году, со стороны литовцевъ сдѣлано было два набѣга на Русь. Въ первый набѣгъ литовцы запяли Ржеву, а сынъ Ольгерда, Андрей Полоцкій, опустошалъ пограничныя русскія мѣста, но въ скоромъ времени Владиміръ Андреевичъ выгналъ ихъ изъ Ржевы. Наконецъ, побуждаемый Михаиломъ Тверскимъ, самъ Ольгердъ двинулся вторично на Москву. Московскій князь не успѣлъ собрать всѣхъ ратей, а выслалъ лишь имѣвшіяся на лицо на встрѣчу литовцамъ, въ качествѣ сторожевыхъ войскъ. Въ числѣ этихъ войскъ была рать и Владиміра Андреевича подъ воеводствомъ Акинѳа Шубы, который въ числѣ многихъ другихъ палъ 21 ноября въ стычкѣ съ литовцами при р. Тростнѣ Самъ Владиміръ Андреевичъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ сидѣлъ въ Москвѣ въ осадѣ [40]). Конецъ того же года и почти половину слѣдующаго 1369 года ВладиміръАндреевичъ былъ въ Новгородѣ, куда ходилъ по волѣ ве-

---

всѣхъ святыхъ пачась и розыдеся вѣтромъ и вихромъ по всюду». Этотъ то пожаръ, конечно, и былъ причиной задуманнаго двоюродными братьями предпріятія поставить каменныя укрѣпленія.

39) С. г. г. и д. I, № 27. Здѣсь этотъ договоръ отнесенъ къ 1362 году.

40) П. С. Р. Л. I, 231; VIII, 15—16; XV, 429; Ник. IV, 19, 21—22; Карамз. V, 9.

ликаго князя для защиты Пскова отъ нападеній рыцарей и пробылъ тамъ «отъ Збора до Петрова дни» [41]).

Вообще надо замѣтить, что Владиміръ Андреевичъ большею частію вызываемъ былъ къ общественной дѣятельности тѣми или другими отношеніями великаго князя къ сосѣдямъ.

Дмитрій Ивановичъ, какъ извѣстно, вмѣшивался въ дѣла Тверскаго и Кашинскаго князей, поддерживая послѣдняго и стараясь поставить перваго по отношенію къ себѣ въ положеніе молодшаго брата. Противовѣсъ этимъ стремленіямъ Михаилъ находилъ въ зятѣ своемъ Ольгердѣ, великомъ князѣ Литовскомъ. Мы видѣли уже, что Ольгердъ набѣгалъ на Москву. Димитрій, однако, продолжалъ дѣйствовать по отношенію къ Твери по прежнему. Тверской князь, въ отвѣтъ на притѣсненія со стороны Москвы, выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе (въ 1370 г.). Но въ данное время уже мало обращали вниманія въ Москвѣ на ярлыки, и Михаилъ, преслѣдуемый съ его ярлыкомъ великимъ княземъ и Владиміромъ Андреевичемъ, принужденъ былъ бѣжать въ Литву и просить помощи у Ольгерда. Этотъ послѣдній съ Кейстутомъ, сыномъ его Витовтомъ и другими Литовскими князьями выступилъ въ походъ; къ нимъ присоединились Святославъ Смоленскій и Михаилъ Тверской. Въ самомъ началѣ декабря союзные князья подступили къ Москвѣ, гдѣ Димитрій затворился. Но на этотъ разъ Ольгердъ самъ поторопился предложить вѣчный миръ. Такой оборотъ дѣла надобно, конечно, приписать тому обстоятельству, что Владиміръ Андреевичъ собралъ сильную рать около Перемышля, куда къ нему кромѣ того пришелъ на помощь и Владиміръ Димитріевичъ Пронскій. Перемышлъ былъ такимъ пунктомъ, съ котораго можно было угрожать Ольгерду какъ во время стоянки его подъ Москвой, такъ и во время его отступленія. Потому то, конечно, хитрый литвинъ и предложилъ миръ. Но Димитрій Ивановичъ давалъ только перемиріе до Петрова дня. Ольгердъ настойчиво просилъ мира и предлагалъ руку своей дочери Елены Владиміру Андреевичу. Великій князь, наконецъ, изъявилъ согласіе. Въ слѣдующемъ 1371 году, когда великій князь по тверскимъ дѣламъ былъ въ ордѣ, въ Москву прибыли Литовскіе послы «и докончаша миръ»; тогда же состоялось и обрученіе Владиміра Андреевича съ Еленой Ольгердовной, а въ

---

41) П. С. Р. Л. I, 231; III, 89; V, 231; VIII, 16. Соборъ пр. Богородицы—26 декабря.

концѣ года, когда великій князь былъ уже въ Москвѣ, сыграна была и свадьба [42]).

Между тѣмъ какъ великій князь усиленно занятъ былъ дѣлами тверскими и литовскими, Владиміръ Андреевичъ конецъ 1372 и начало 1373 года провелъ въ Новгородѣ, конечно, вслѣдствіе договора 1372 года между великимъ княземъ и новгородцами. По этому договору, заключенному съ новгородцами великимъ княземъ, изъ боязни, что Михаилъ Тверской захватитъ Торжокъ, новгородцы обязывались «всѣсти на конь» съ великимъ княземъ и его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, если у нихъ будетъ война съ Литвой или Тверью. Въ свою очередь великій князь и братъ его клялись помогать Новгороду, если ему будетъ угрожать опасность со стороны Твери, Литвы или нѣмцевъ, не только войскомъ, но и личнымъ присутствіемъ [43]).

Есть извѣстіе, что въ томъ же 1373 году Мамаевы татары набѣжали на Рязанскую землю, пожгли города, но грабили и поплѣнили много людей и ушли во свояси. Въ слѣдъ затѣмъ то же извѣстіе говоритъ, что великій князь выступилъ съ своими полками на берегъ Оки, что изъ Новгорода къ нему пришелъ Владиміръ Андреевичъ, и они простояли на берегу все лѣто. Если это одиноко стоящее извѣстіе вѣрно, то великій князь выступалъ на берегъ Оки, очевидно, опасаясь вторженія татаръ [44]).

---

42) П. С. Р. Л. I 231—232; IV, 67; V, 232; VIII, 17—19: Ник. IV, 26—29, 32; Твер. 431; Др. Р. Вивліоѳика Новикова XVI, 168; С. г. г. и д. I, № 31. Никон. лѣт. относитъ приходъ Ольгерда къ 25 января, а Воскр.—къ 6 декабря; «Latopisiec» Даниловича, стр. 182, относитъ почему то обрученіе Владиміра къ 1371 г., а самую женитьбу къ 1372 г. По указаннымъ лѣтописямъ обрученіе совершено было въ бытность великаго князя въ Ордѣ, а свадьба по его возвращеніи оттуда. Мы съ намѣреніемъ такъ и выразились въ текстѣ, потому что нѣкоторые (наприм., «Энциклопедическій лексиконъ» Плюшара) полагаютъ, что все это произошло въ отсутствіе великаго князя.

43) Ibid. III, 90; IV, 69; Ник. IV, 36; Акты Арх. Эксп. I, № 8. Въ Новгородской первой лѣтописи подъ 6881 г. сказано, что Владиміръ прибылъ въ Новгородъ „по Сборѣ за недѣлю и сѣдѣ въ Новѣгородѣ до Петрова дни и поиде прочь“; въ Никон. подъ тѣмъ же годомъ говорится: «...Отъ Покрова до Петрова дни». Собственно такъ и выходитъ, что онъ пробылъ въ Новгородѣ конецъ 1372 и начало 1373 г.

44) Это извѣстіе находимъ въ Ник. лѣт. (IV, 37), но при-

Выше было уже говорено, что удѣлъ Андрея Ивановича (отца Владиміра) не имѣлъ опредѣленнаго названія по главному центру его долгое время, такъ какъ такого центра не могло, въ первое время образованія удѣла, рѣзко обозначиться по незначительности городовъ этого удѣла. Недостатокъ этотъ устранилъ уже сынъ его, Владиміръ. Въ 1374 году онъ «заложи градъ Серпоховъ въ своей отчинѣ и повелѣ въ единомъ дубу срубити его»; жителямъ онъ далъ разныя льготы, такія же льготы обѣщаны были и тѣмъ, которые вновь будутъ селиться въ Серпуховѣ. Намѣстникомъ въ новый городъ князь Владиміръ назначилъ окольничаго своего, Якова Юрьевича Новосильца. И въ религіозномъ отношеніи нужно было придать городу болѣе значенія почему Владиміръ Андреевичъ и задумалъ основать монастырь. За совѣтомъ по этому дѣлу онъ обратился къ другу своему, уже тогда извѣстному святостію жизни, игумену Сергію, жившему въ основанной имъ обители близъ Радонежа (принадлежавшаго къ удѣлу Владиміра Андреевича). Сергій самъ пѣшкомъ пришелъ въ Серпуховъ, выбралъ приличное для монастыря мѣсто и собственноручно положилъ основаніе храму, который освященъ былъ только въ 1380 году. Игуменомъ въ этотъ монастырь (Высоцкій) преподобный назначилъ любимаго ученика своего Аѳанасія [45]).

Между тѣмъ отношенія между Москвой и Тверью въ высшей степени обострились послѣ бѣгства изъ Москвы къ Тверскому князю Ивана Вельяминова (сына послѣдняго московскаго тысяцкаго) и сурожанина Некомата. Димитрій Ивановичъ задумалъ тогда же нанести рѣшительный ударъ Твери, для чего онъ и собралъ подъ свои стяги всѣхъ князей древней Ростово-Суздальской земли и въ августѣ мѣсяцѣ 1375 года такъ опустошилъ Тверскую землю, что она долго послѣ того не могла оправиться, и Михаилъ Тверской вынужденъ былъ смириться. Въ этомъ походѣ принималъ участіе и Владиміръ Андреевичъ [46]).

Въ слѣдующемъ 1376 году со стороны Москвы начались враждебныя дѣйствія противъ Литвы. Въ 1373 году (послѣ третьяго Ольгердова набѣга на Москву) Московскій и Литов-

---

нимаемъ за ошибку въ этомъ извѣстіи, что Владиміръ пришелъ изъ *Нижняго* Новгорода, а не изъ *Великаго*.

45) П. С. Р. Л. VIII, 21, 34; Ник. IV, 38—39.

46) Ibid. IV, 70; V, 233; VIII, 22; XV, 435; Ник. IV, 42 и сл.

скій князья заключили перемиріе, но только мѣсяца на три. Великій князь однако года три воздерживался отъ враждебныхъ столкновеній съ Литвой, вѣроятно, потому, что занятъ былъ дѣлами татарскими (убійство Сарайки въ Нижнемъ) и тверскими. Но въ 1376 году онъ послалъ на Ржевъ Владиміра Андреевича, который, однако, города взять не могъ и ограничился только сожженіемъ посада [47]). Впрочемъ, это былъ только косвенный вызовъ, брошенный Литовскому князю, такъ какъ Ржевъ принадлежалъ не Ольгерду, а покровительствуемому имъ Михаилу Тверскому, о которомъ въ послѣднемъ договорѣ между литовскимъ и московскимъ князьями было сказано: «А въ томъ докончаньи князь Михайло тверскій, князь Димитрей брянскій и тѣ князи, хто будутъ у князя у великаго у Олгерда въ имени его...»

Въ 1377 году Ольгердъ умеръ, и въ Литвѣ поднялись смуты, отъ которыхъ, между прочимъ, бѣжалъ князь Полоцкій Андрей Ольгердовичъ сначала въ Псковъ, а потомъ—въ Москву. Димитрій Ивановичъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, отправилъ 9 декабря 1379 года въ Литовскую землю сильную рать подъ начальствомъ князей: Владиміра Андреевича, Андрея Ольгердовича и зятя своего, Димитрія Ивановича Волынскаго, которые взяли Трубчевскъ и Стародубъ и повоевали многія другія волости. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андрея, Димитрій Ольгердовичъ, который въ честію встрѣтилъ князей и охотно перешелъ въ службу великаго князя Московскаго [48]).

Эти успѣхи русскаго оружія въ Литвѣ должны были пріостановиться въ виду грозной тучи, надвигавшейся тогда на Русь съ юго-востока. Мы разумѣемъ нашествіе Мамая и происшедшую 8 сентября 1380 года знаменитую Куликовскую битву. Болѣе или менѣе всякому грамотному человѣку это событіе извѣстно; извѣстно и то, какую видную роль игралъ въ этой битвѣ Владиміръ Андреевичъ,—такъ что подробностей ея передавать не будемъ; скажемъ только, что Владиміръ Андреевичъ за эту побѣду, какъ и великій князь, получилъ прозваніе *Донскаго*: очевидно, современники и потомство цѣнили его труды и заслуги [49]).

---

47) П. С. Р. Л. I, 232, Ник. IV,47; Древн. Росс. Вивліоѳ. I 88.
48) Ibid. IV, 75; V, 238; VIII, 34; Ник. IV, 84.
49) Ibid. III, 92; IV, 75—77: VI, 91—93; VIII, 35—40; Ник. IV, 86—104.

Мамай добитъ былъ однимъ изъ подвижниковъ Чагатайскаго хана Тимура (или Тамерлана) Тохтамышемъ, который потомъ объявилъ себя ханомъ Золотой орды. Москва, между тѣмъ, послѣ Куликовской битвы, такъ была слаба людьми, что на время должна была смириться, и великій князь послалъ къ новому хану киличеевъ съ дарами [50]). Хотя Тохтамышъ и благосклонно принялъ дары, тѣмъ не менѣе готовился нанести ударъ великому князю, конечно, не исключительно за пораженіе имъ Мамая, а вообще за стремленіе освободиться отъ татаръ... Въ 1382 году онъ неожиданно устремился къ Москвѣ, гдѣ оказалась рознь между князьями при рѣшеніи вопроса о средствахъ къ оборонѣ или войнѣ: почти всѣ жаловались на умаленіе ратныхъ людей. Великій князь изъ Москвы удалился въ Кострому. Владиміръ Андреевичъ также нашелъ необходимымъ отправить свое семейство въ Торжокъ, а самъ съ ополченіемъ сталъ въ Волокѣ (Волоколамскѣ)... Тохтамышъ, взявъ Москву, распустилъ отряды татаръ по разнымъ направленіямъ—пустошить Московскую землю. Одинъ изъ такихъ отрядовъ наткнулся, если можно такъ выразиться, на Владиміра Андреевича, который храбро ударилъ со своимъ ополченіемъ на незваныхъ гостей. Татары бѣжали въ безпорядкѣ и принесли Тохтамышу вѣсть о своемъ пораженіи. Ханъ могъ предположить, что князья успѣли оправиться отъ его неожиданнаго набѣга и собрались съ силами, а потому и поспѣшилъ удалиться изъ Московской земли. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что въ это нашествіе взятъ былъ татарами и городъ Владиміра Андреевича Серпуховъ. По уходѣ татаръ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ, каждый съ своими боярами, явились въ Москву, видъ которой—послѣ татарскаго разгрома—до того тронулъ ихъ, что они горько плакали, какъ передаютъ лѣтописи [51]).

Явные и тайные недоброжелатели великаго князя такъ или иначе хотѣли воспользоваться растройствомъ силъ его. Зимой 1385 года Новгородцы укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ на томъ, чтобы имъ не ходить въ Москву на судъ митрополита, а судиться у своего владыки; посаднику и тысяцкому—судить свои суды «по русскому обычаю». Какъ ни слабы были силы Московскія, но такого движенія въ Новгородѣ Московскому правительству нельзя было оставить безъ вниманія, какъ стром-

---

50) Никон. лѣт. IV, 128.

51) П. С. Р. Л. III, 92; IV, 89; VI, 98—103; VIII, 42—47; Ник. IV, 137—138.

ленія къ полной самостоятельности. Великій князь и безъ того держалъ гнѣвъ на Новгородъ за то, что Новгородцы Волгой ходили грабить Кострому и Нижній-Новгородъ. Оставалось смирить Новгородъ силой оружія. Въ концѣ декабря того же 1386 года великій князь съ Владиміромъ Андреевичемъ пошелъ на Новгородъ и остановился въ 130 верстахъ отъ него «на Ямнахъ»; тогда только Новгородцы смирились [52]). Но незавидным положеніемъ великаго князя Московскаго еще раньше, въ началѣ весны 1385 года, хотѣлъ воспользоваться энергичный врагъ его, «суровѣйшій» по выраженію лѣтописи, Олегъ Иваповичъ Рязанскій: онъ изгономъ набѣжалъ на Коломну, изымалъ тамошняго намѣстника Александра Остея, взялъ большой полонъ и, «всякаго товара наимався», ушелъ обратно въ Рязань. Есть извѣстіе, что противъ Олега высланъ былъ Владиміръ Андреевичъ, который, впрочемъ, потерпѣлъ пораженіе; въ битвѣ этой, между прочимъ, палъ внукъ Ольгерда, князь Михаилъ Андреевичъ Полоцкій [53]).

Послѣ этого похода лѣтописи не упоминаютъ о Владимірѣ Андреевичѣ до 1388 года, въ которомъ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, у него, 18 января, родился въ Дмитровѣ сынъ Ярославъ-Аѳанасій. «Тогда же, замѣчаетъ далѣе лѣтописецъ, розмиріе бысть» у Владиміра съ великимъ княземъ, слѣдствіемъ котораго было то, что старѣйшіе Владиміровы бояре были перехвачены и разосланы по тюрьмамъ въ разные города, въ которыхъ содержались подъ надзоромъ жестокихъ приставовъ. Извѣстіе вообще странное или не ясное, потому что изъ него не видно причинъ розмирья. Впрочемъ, дошедшая до насъ, пріурочиваемая къ тому же году, договорная грамота великаго князя и его дѣтей съ Владиміромъ Андреевичемъ, кажется, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на приведенное извѣстіе. Этимъ договоромъ Владиміръ Андреевичъ обязывался признавать великаго князя *отцемъ* (по прежнимъ договорамъ—братомъ старѣйшимъ), а сына его—*старшимъ братомъ*. Очевидно, великій князь хотѣлъ этимъ договоромъ укрѣпить новый порядокъ престолонаслѣдія такъ, чтобы великокняжескій столъ переходилъ отъ великаго

52) П. С. Р. Л. III, 94, 232; IV, 93, 138; V, 240, 241; VIII, 50; Ник. IV, 146—150.

53) Ibid. VIII, 49; Ник. IV, 146—147. Новгородская 4-я и Соф. 1-я (т. IV, 95; V, 240, 242) подъ 6894 годомъ говорится, напротивъ, о походѣ самого Димитрія на Олега, взявшаго Коломну.

князя-отца къ старшему изъ наличныхъ сыновей его, т. е. чтобы великокняжескій столъ оставался въ одномъ родѣ и переходилъ отъ одного къ другому въ нисходящей линіи по праву первородства [54]). Сопоставляя этотъ договоръ съ розмирьемъ, нѣкоторые думаютъ [55]), что розмирье произошло отъ того, что Владиміръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить своего права на великое княженіе племяннику, т. е. сыну великаго князя. Но есть еще и другое извѣстіе, которымъ иные [56]) стараются объяснить причины розмирья, это захватъ Владиміромъ Андреевичемъ нѣсколькихъ великокняжескихъ деревень, о чемъ говорится въ духовномъ завѣщаніи Димитрія Ивановича въ слѣдующихъ словахъ: «а которы деревни отоималъ былъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села княгини мосе къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лыткинскому селу мосе княгини». Розмирье это, впрочемъ, было непродолжительно: 25 марта, въ день Благовѣщенія, великій князь «взя миръ и прощеніе и любовь» съ Владиміромъ Андреевичемъ.

Въ слѣдующемъ 1389 году, 18 мая, великій князь скончался. Начало новаго княженія ознаменовалось для Владиміра Андреевича непріятнымъ событіемъ: у него опять произошло розмирье съ молодымъ великимъ княземъ. Кажется, Владиміръ Андреевичъ ожидалъ, но не получилъ, приращенія къ своему удѣлу, или, какъ думаютъ другіе, великокняжескіе бояре стѣснили его, не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи. Какъ бы то ни было, оскорбленный дядя уѣхалъ сначала въ свой Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую землю, въ Торжокъ. Вскорѣ, впрочемъ, дядя и племянникъ примирились: послѣдній придалъ къ дядиной отчинѣ два города—Волокъ и Ржеву, которые впослѣдствіи, по другому договору, вымѣнены были на Городецъ и Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ (нынѣ село Золоторучье), Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ, причемъ, на основаніи послѣдняго договора, дядя, отказывался отъ всякихъ притязаній на Муромъ, Тарусу и другія мѣста, которыя еще не были за Василіемъ, но которыя послѣдній намѣренъ былъ примыслить [57]).

---

54) П. С. Р. Л. VIII, 52; Ник. IV, 157; С. г. г. и д. I, № 33.

55) Напримѣръ, *Вешняковъ* въ своей книжкѣ: «О причинахъ возвышенія Моск. княж.», 108.

56) Ист. Росс. С. М. Соловьева III, 362, пр. 506.

57) П. С. Р. Л. VIII, 60; XV, 444; Ник. IV, 192; С. г. г. и д. I, № 35 и 38; Соловьевъ: Ист. Росс. IV, 5; Карамз. V, 72.

Въ 1392 году Новгородцы поссорились съ великимъ княземъ изъ-за чернаго бору и митрополичьяго суда. Въ февралѣ слѣдующаго года Василій Димитріевичъ отправилъ Владиміра Андреевича и брата своего Юрія на Торжокъ, откуда посланные князья, повоевавъ въ Новгородскихъ волостяхъ и надѣлавъ имъ много зла, воротились домой [58]). Чрезъ два года, когда въ 1395 году Москвѣ угрожало нашествіе Тамерлана и великій князь вышелъ съ войсками на берегъ Оки, блюсти Москву было возложено на Владиміра Андреевича [59]).

Затѣмъ до 1408 года имя Владиміра Андреевича въ лѣтописяхъ не встрѣчается, хотя едва ли можно допустить, чтобы онъ не принималъ прямаго или косвеннаго участія въ войнѣ съ Новгородомъ (1397 г.), Болгаріей (1399 г.) и въ Литовскомъ походѣ (1406 г.).

Въ 1408 году на Москву было новое нашествіе татаръ. Тамерланъ, удаляясь на востокъ, отдалъ разоренную имъ орду Темиръ-Кутлуку, оставивъ при немъ въ качествѣ руководителя ученика своего Едигея. Этотъ послѣдній, зорко слѣдя за Москвой, уже переставшей платить татарамъ дань, хотѣлъ въ то же время отомстить и Литвѣ за покровительство ея личному врагу Тохтамышу. Распространивъ слухъ, что онъ идетъ на Литву, чему въ Москвѣ, естественно, могли повѣрить, Едигей неожиданно устремился на Русь, такъ что въ Москвѣ не успѣли собрать войскъ. Василій Димитріевичъ съ семействомъ бѣжалъ въ Кострому, оставивъ въ Москвѣ, для защиты ея, Владиміра Андреевича. Въ народѣ слышался ропотъ, что великій князь спасаетъ только себя. Но распорядительная дѣятельность Владиміра Андреевича должна была дѣйствовать на массу ободряющимъ образомъ. Приготовляясь къ встрѣчѣ враговъ, онъ приказалъ сжечь посады, чтобы затруднить татарамъ приступъ къ городу. Ноября 30 татары появились около Москвы, а 1 декабря подошелъ самъ Едигей. Три недѣли Владиміръ ждалъ приступа и, конечно, долженъ былъ удивиться, когда Едигей, потребованный ханомъ въ орду, попросилъ только окупа, въ чемъ и былъ удовлетворенъ. Москва, хоть и избѣжала разоренія, но

---

58) П. С. Р. Л IV, 100; V, 245; VI, 123; по VIII, 63 и Ник. IV, 239 это было въ 6900 году. Въ лѣтописяхъ сказано, что Владиміръ и Юрій посланы были зимой на Ѳеодоровой недѣлѣ (т. е. въ февралѣ когда празднуется память святыхъ Ѳеодора Стратилата и Тирона).

59) Ник. IV, 261.

многіе города, и въ томъ числѣ Серпуховъ, сильно пострадали отъ огня и меча татарскаго [60]).

Это былъ послѣдній подвигъ Храбраго на пользу Москвы. Въ первой половинѣ мая 1410 года онъ скончался и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ [61])

Владиміръ Андреевичъ отъ брака съ Еленой Ольгердовной, въ иночествѣ Евпраксіей († 1437 г.), имѣлъ семь сыновей: Ивана, Семена, Андрея большаго, Ярослава-Аѳанасія, Ѳеодора, Андрея меньшаго и Василія.—Относительно порядка старшинства сыновей Владиміра Андреевича какъ старыя, такъ и новѣйшія родословныя несогласны между собою—явленіе непонятное, такъ какъ дни и годы рожденій большинства этихъ князей намъ извѣстны Кромѣ того, они перечисляются въ духовной Владиміра Андреевича, по крайней мѣрѣ– пятеро изъ нихъ, оставшіеся въ живыхъ по смерти отца, и перечисляются, конечно, въ порядкѣ старшинства. Андрей большой извѣстенъ только по родословнымъ и о немъ можно сказать, что онъ умеръ до 1410 года, такъ какъ въ духовной отца своего не упоминается [62]); Ѳеодоръ, родившійся 26 января 1389 года (по Никон.—1390-го), умеръ въ младенчествѣ, такъ какъ не упоминается нетолько въ договорахъ, но и въ духовной отца [63]). Изъ остальныхъ дѣтей перемѣшиваютъ двухъ послѣднихъ, ставя ихъ одного на мѣсто другаго. Но во второмъ договорѣ Василія Димитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ сыновья послѣдняго перечислены въ такомъ порядкѣ: «А на сей грамотѣ язъ князь Володимеръ Андреевичъ съ своими дѣтьми: со княземъ съ Иваномъ и съ Семеномъ и съ Ярославомъ и за свои дѣти за меншіи, за Ондрѣя и за Василья, цѣловали есмы крестъ»... [64]). Надобно еще замѣтить, что второй договоръ состоялся не ранѣе 1405 года, слѣдовательно Андрей большой и Ѳеодоръ умерли до этого года.

---

60) П. С. Р. Л. VI, 136; VIII, 83; XV, 483; Ник. V, 23.

61) Ibid. III, 104; IV, 112; V, 258; VI, 139; VIII, 85; Ник. V, 34. Онъ скончался, по однѣмъ лѣтописямъ, 4, по другимъ—14 мая, а по Никоновской—просто въ маѣ.

62) П. Н. Петровъ («Ист. родовъ русск дворянства») говоритъ, что онъ умеръ въ младенчествѣ.

63) П. С. Р. Л. VIII, 60; Ник. IV, 192. У Петрова говорится, что онъ родился 26 января 1390 г. и въ томъ же году умеръ.

64) С г. г. и д. I, № 38.

Владиміръ Андреевичъ распорядился своей отчиной слѣдующимъ образомъ: свою треть въ Москвѣ онъ завѣщалъ всѣмъ пятерымъ сыновьямъ, которые должны были вѣдать ее по-годно. Въ частности, сыну Ивану на старѣйшій путь Владиміръ Андреевичъ далъ въ Москвѣ и въ станахъ: конюшій путь, бортниковъ, садовниковъ, бобровниковъ, барашей и делюевъ»; затѣмъ «Серпуховъ съ тамгой, мытами, съ селами, съ бортью и со всѣми пошлинами и съ волостями»: Городцемъ, На ьскимъ и пр., всего 11 волостями; изъ Московскихъ же селъ ему были даны пять, въ томъ числѣ Поповское на Коломенкѣ съ мельницей и Туловское—со всѣми деревнями. Здѣсь сдѣлаемъ небольшое отступленіе. Замѣчательно—какъ видно изъ этого духовнаго завѣщанія—что удѣлы назначались дѣтямъ раньше написанія духовнаго завѣщанія, которое такимъ образомъ, какъ формальный актъ, только утверждало уже существовавшій фактъ; такъ что дѣти, еще при жизни отцовъ, могли увеличивать свои будущіе удѣлы прикупами. Напр., Владиміръ Андреевичъ, перечисливши волости, которыя предоставлялъ старшему сыну Ивану въ удѣлъ, добавляетъ: «А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортема въ Роступовѣ слободкѣ, удѣлѣ брата своего князя Ярослава, и то село сыну князю Ярославу; а на то мѣсто далъ есмь сыну князю Ивану Сеситрово село да Струпиково». Это распоряженіе сдѣлано, вѣроятно, въ предупрежденіе столкновеній между братьями, удѣлы которыхъ лежали рядомъ и которымъ въ завѣщаніи была указана граница. Второму сыну, Семену, по завѣщанію давался Боровскъ съ тамгой, мытами, селами, бортью и со всѣми пошлинами, и къ Боровску волости: Голичницы, Хопилева слободка, Истья съ слободкою, Мушковы треть, половина Щитова; изъ Московскихъ селъ: Выпряжково на Студенцѣ съ деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной и, наконецъ, четыре села въ Юрьевѣ-Польскомъ. Третьему сыну Ярославу-Аѳанасію: Ярославль (Малоярославецъ) съ Хотунью, Вихорна, Полянки, Ростунова слободка и Рошневская слободка, а изъ Московскихъ селъ—Сарыевское и Кирьясово съ лугами да Усть и Мстица мельница». Четвертому сыну, Андрею: Радонежъ съ тамгою и мытами, Бѣли, Черпоголовль съ численными людьми на Киржачѣ, Яковля слободка, Кишкина слободка и Тухачевъ; а изъ Московскихъ селъ: село Михайловское съ мельницей, Калиткиново, на Учи Поповское, Илья святой, сельцо Димитріевское, Воронина на Любосивли, Четрековское, Моссйково на устьѣ Любосивли и Сокова деревня. Наконецъ пятому сыну Василью были даны: Перемышль, Росто-

вецъ, половина Щитова и Добрятинская треть; изъ Московскихъ селъ—Ясеневская съ деревнями и Папшина гарь. Андрею и Василью—треть численныхъ людей въ Москвѣ «па-полы». Кромѣ того, старшему сыну Ивану изъ удѣла великаго князя Василія Димитріевича были даны: Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, и Лисинъ; Семену и Ярославу вмѣстѣ—Городецъ на Волгѣ, кромѣ мыта и тамги, которыми должна была пользоваться мать ихъ, по смерти же ея—оба брата. Затѣмъ, младшимъ сыновьямъ Андрею и Василію, давался Угличъ «на-полы» съ селами, со всѣми станами и пошлинами. Супругѣ своей Еленѣ Владиміръ Андреевичъ назначилъ: свою треть тамги Московской, восмичее, гостинное, вѣсчее пудовое, пересудъ, серебряное литье и всѣ пошлины Московскія; города и волости: Лужу, Козловъ Бродъ, Бадѣеву слободку; слободы и волости Лужевскія: Ловышину, Ярцеву слободку, Сосновецъ, Турьи горы, Буболь, Веприйку, Якимову слободку, Скомантову, Гриди Ярцева, Михалкову Степана Осипова, Дынку Мосолову Гриди Ѳедотова Лукина. Затѣмъ изъ Московскихъ селъ Еленѣ давались: Коломенское, Ногатинское съ Корѣевымъ, Косино съ тремя озерами, Обухово, мельница на устьѣ Яузы; послѣднія три даны въ опричнину. Наконецъ, изъ удѣловъ сыновей Елена получила въ пожизненное владѣніе: изъ удѣла князя Ивана—Всходное съ деревнями и Тетково озеро; изъ удѣла Семена—Омутское съ деревнями и лугами; изъ удѣла Ярослава-Бовыкино и Долгое озеро при устьѣ Лопастны; изъ удѣла Андрея—Вороновское, Ковѣзинское, радонѣжскихъ бортниковъ съ деревнями и бортью; изъ удѣла Василья—Битягово и Домодѣдово да на Угличѣ село Богородицкое. Село Коломенское по смерти Елены отошло къ князю Ивану, Ногатинское—къ Семену, Таинское съ Корѣевымъ—къ Василію, Козловъ Бродъ—къ Ивану и Ярославу по-поламъ, какъ и Бадѣева слободка, а Лужу подѣлили на три части Семенъ, Андрей и Василій, кромѣ селъ: Бубольскаго, Бенитскаго, Мѣдкина и Дьяковскаго. Наконецъ, князю Ивану отказано было въ Москвѣ два двора и садъ, Семену и Ярославу—по-поламъ дворъ великой княгини Маріи, жены Симеона Гордаго; Семену—за Наглинной Тереховъ садъ; Еленѣ съ Андреемъ и Васильемъ—большой дворъ Московскій по-поламъ; Ярославу, Андрею и Василію—Чичаковъ садъ на-трое; добыча соли на Городцѣ предоставлялась Семену и Ярославу, которые должны были дѣлить ее пополамъ, кромѣ Ѳеодоровской варницы [65]).

---

65) С. г. г. и д. № 40.

Такимъ образомъ, по смерти Владиміра Андреевича, Серпуховскій удѣлъ раздробился на пять удѣловъ, которые, по главнымъ центрамъ ихъ, должны быть названы: *Серпуховскимъ, Боровскимъ, Малоярославецкимъ, Радонежскимъ и Перемышльскимъ.*

Андрей Владиміровичъ

1393 † 1426

и

Василій Владиміровичъ

р. 1394 † 1427.

Владиміръ Андреевичъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ назначилъ, какъ выше только что было упомянуто, двумъ младшимъ сыновямъ своимъ: Андрею—Радонежъ, Василью—Перемышль и обоимъ вмѣстѣ или, по выраженію духовной, «на полы» (по-поламъ)—Угличъ.

Угличъ, до полученія его Владиміромъ Андреевичемъ, принадлежалъ, какъ мы видѣли, Петру Димитріевичу. Мы не находимъ извѣстій ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ о томъ, до какого времени Петръ Димитріевичъ владѣлъ этимъ городомъ. Если около 1405 года великій князь уже распоряжается Угличемъ—отдаетъ его князю Серпуховско-Боровскому, то городъ этотъ, естественно, долженъ былъ какимъ-либо путемъ перейти отъ Петра Димитріевича къ великому князю, а отъ послѣдняго—уже къ Владиміру Андреевичу. Немудрено, что и Петръ Димитріевичъ за уступку великому князю Углича могъ быть чѣмъ-либо вознагражденъ. Во всякомъ случаѣ, надобно замѣтить, что въ относимой ко времени около 1405 года копіи договора Василія Димитріевича съ братьями его Андреемъ и Петромъ Димитріевичами перечисляются только слѣдующіе города младшихъ братьевъ: Можайскъ, Калуга, Дмитровъ и Бѣлоозеро; объ Угличѣ же ничего не говорится [66]).

По смерти Владиміра Андреевича Угличъ перешелъ къ его сыновьямъ, Андрею и Василью Владиміровичамъ, къ біографіямъ которыхъ мы и перейдемъ.

Объ Андреѣ Владиміровичѣ, князѣ Радонежскомъ, до насъ дошло мало извѣстій. Всѣ наши свѣдѣнія о немъ (за исключеніемъ упоминаній его, какъ одного изъ «дѣтей меньшихъ»,

66) С. г. г. и. д. № 37.

въ договорной грамотѣ отца его съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ, которому Владиміръ цѣловалъ крестъ за сыновей Андрея и Василія, и въ духовной грамотѣ отца) ограничиваются только двумя лѣтописными извѣстіями о немъ. Въ 1414 году, зимой, братъ великаго князя Василія Димитріевича, Юрій Галицкій, ходилъ къ Нижнему Новгороду на князя Суздальско-Нижегородскаго Даніила Борисовича «и на его братію», причемъ въ этомъ походѣ, вмѣстѣ съ князьями Ярославскими и Ростовскими, участвовали братья Владиміровичи — Андрей и Василій [67]). Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ еще только время смерти Андрея, именно осень 1426 года; князь Андрей скончался въ одно время съ братьями своими Семеномъ и Ярославомъ, и, вѣроятно, какъ и эти послѣдніе, отъ свирѣпствовавшаго тогда мороваго повѣтрія [68]).

Андрей Владиміровичъ былъ женатъ на дочери боярина Ивана Димитріевича Всеволожскаго и отъ этого брака имѣлъ только одну дочь, неизвѣстную по имени, которая выдана была въ замужество, уже по смерти отца, дѣдомъ своимъ Всеволожскимъ за князя Галицко-Звенигородскаго Василія Юрьевича Косаго [69]).

---

67) Твер. лѣт. 487.

68) II. С. Р. Л. VI, 143; Ник. V, 92.

69) Ibid. VIII, 97. Нѣкоторыя родословныя даютъ Владиміру Андреевичу семь сыновей, какъ это и мы принимаемъ. По этимъ родословнымъ, у него было два Андрея—старшій и младшій, такъ, напр., считаетъ лѣтописная родословная (II. С. Р. Л. VII, 238). Андрей большой или старшій, по этой родословной, былъ женатъ на дочери боярина Ивана Всеволожскаго; по смерти онъ положенъ у архангела Михаила, въ головахъ у Андрея Угличскаго (это у умершаго-то въ 1496 году ?!); его дочь была за Василіемъ Косымъ. То же самое выходитъ и по родословнымъ, бывшимъ подъ руками у И. Сахарова (см. „Сынъ Отечества“ 1842, I); кромѣ того, по родословнымъ Сахарова, дочь этого Андрея выходитъ за Косаго въ 1433 году. Что касается Андрея меньшаго, князя Радонежскаго, то, по лѣтописной родословной, онъ считается бездѣтнымъ, а по родословнымъ Сахарова—умершимъ 5 ноября 1426 года съ монашескимъ именемъ Саввы и погребеннымъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. По Никон. лѣтописи (V, 92), Андрей Васильевичъ также скончался въ 1426 году съ именемъ Саввы и погребенъ у Троицы; по другаго сына Андрея у Владиміра по этой лѣтописи не было какъ и по всѣмъ другимъ, кромѣ Воскресенской. По родословной „Временника“ (кн. 10-я), у Владиміра также было два Андрея: объ Андреѣ большомъ сказано, что

О братѣ Андрея, Василіи Владиміровичѣ, князѣ Перемышльскомъ, лѣтописныя извѣстія также крайне скудны. Изъ

дочь его была за Косымъ, а объ Андреѣ меньшемъ—что онъ былъ бездѣтенъ и что за нимъ была дочь Ивана Димитріевича (Всеволожскаго). Спрашивается, дѣйствительно ли у Владиміра Храбраго было два сына Андрея? По нашему мнѣнію, былъ только одинъ Андрей. Если предположить, что ихъ было два, то надобно предположить и то, что старшій Андрей, дочь котораго, будто бы, была за Косымъ, умеръ раньше 1410 года, такъ какъ въ духовномъ завѣщаніи отца онъ не упоминается, а упоминается Андрей Радонежскій, т. е. меньшой. Мало того, мы должны даже предположить слѣдующее: если дѣйствительно былъ Андрей большой, то онъ родился ранѣе 1388 года, въ которомъ заключенъ былъ договоръ между отцемъ его и великимъ княземъ и ихъ дѣтьми (С. г. г. и д. I, № 33), въ которомъ, однако, имени Андрея нѣтъ, какъ нѣтъ и въ предыдущихъ и послѣдующихъ договорахъ. Не отвергая, такимъ образомъ, вполнѣ извѣстія родословныхъ о двухъ Андреяхъ у Владиміра Храбраго, можно, однако, по нашему мнѣнію, положительно утверждать, что, если Андрей большой или старшій и былъ, то онъ умеръ младенцемъ. Всѣ же извѣстія, вообще касающіяся Андрея Владиміровича, должны быть относимы къ Андрею Радонежскому. Ужъ одно то въ помянутыхъ родословныхъ невѣрно, что, вопреки лѣтописнымъ извѣстіямъ, онѣ считаютъ женой Косаго дочь не Андрея Радонежскаго, между тѣмъ какъ по хронологическимъ соображеніямъ извѣстіе Воскресенской лѣтописи (т. VIII, 97) должно быть отнесено именно къ послѣднему. Сообщенія Захаровскихъ родословныхъ находятся также въ противорѣчіи съ лѣтописными извѣстіями: по этимъ родословнымъ, дочь Андрея (старшаго) вышла за Косаго въ 1433 году. Знаменитый поясъ, попавшій къ Косому вмѣстѣ съ рукой дочери Андрея, сорванъ былъ съ него Софьей Витовтовной на свадьбѣ великаго князя Василія Васильевича также въ 1433 году. Выходитъ, слѣдовательно, что Косой женился раньше 1433 года. Но положимъ, что онъ женился въ этомъ же году, только нѣсколько раньше великаго князя. Если въ 1410 году Андрея большаго уже не было въ живыхъ, такъ какъ онъ не упоминается въ духовномъ завѣщаніи отца († 1410 г.), писанномъ, можетъ быть, даже раньше 1410 года, то его дочери, хотя бы она родилась и въ годъ смерти отца, въ 1433 году было бы болѣе 23 лѣтъ—возрастъ, до котораго въ то время обыкновенно не выходили въ замужество только безприданницы или уроды. Считаемъ неляшнимъ привести еще одно соображеніе. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 6941 г., въ разсказѣ о свадьбѣ великаго князя съ Маріею Ярославною и о переходѣ извѣстнаго пояса, начиная отъ Димитрія

лѣтописей мы узнаемъ, что онъ родился 9 іюля 1394 года [70]); затѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ участвовалъ, въ 1414 году, въ походѣ Юрія Димитріевича Галицкаго къ Нижнему Новгороду на Даніила и Ивана Борисовичей [71]), и, наконецъ, еще только годъ его смерти: 1427 годъ. По словамъ лѣтописи, въ этомъ году «моръ великъ бысть во всѣхъ градѣхъ русскихъ, мерли прыщомъ», отъ котораго, вѣроятно, и скончался Василій Владиміровичъ, погребенный у Михаила-архангела на площади [72]).

Василій Владиміровичъ женатъ былъ на Ульянѣ, извѣстной только по имени, но потомства не оставилъ [73]).

Донскаго до Василія Косаго, между прочимъ, сказано: «а Иванъ (Всеволожскій) далъ его (поясъ) за своею дочерію князю Андрѣю Володимеровичу. Потомъ же, по смерти княже Андрѣевѣ и *по ордынскомъ приходѣ*, Иванъ Димитріевичъ княже Андрѣеву дочерь, а свою внуку, обручалъ за князя Василія Юрьевича, и тотъ поясъ далъ ему». Очевидно, здѣсь говорится о смерти Андрея и объ ордынскомъ приходѣ, какъ о недавнихъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ Какой же здѣсь разумѣется ордынскій приходъ: приходъ ли ордынскихъ татаръ на Русь или приходъ кого-нибудь изъ русскихъ изъ орды? Въ послѣднемъ случаѣ можно разумѣть самого же Всеволожскаго, и въ такомъ случаѣ лѣтописецъ хотѣлъ, по нашему мнѣнію, высказаться такимъ образомъ: «потомъ по смерти Андрея и по приходѣ изъ орды, Иванъ Димитріевичъ» и т. д. Въ 1429 году приходили татары на Галичъ и Кострому (П. С. Р. Л. VI, 143; VIII, 94—95), и великій князь посылалъ противъ нихъ Всеволожскаго; въ 1432 году Всеволожскій былъ въ ордѣ и убѣдилъ хана утвердить Василія въ великокняжескомъ достоинствѣ (ibid. VIII, 96) Такимъ образомъ, что ни разумѣли бы мы подъ ордынскимъ приходомъ, во всякомъ случаѣ мы можемъ опираться при рѣшеніи вопроса на двухъ годахъ, 1429 и 1432, такъ что дочь Андрея мы должны считать выданной за Косаго или въ томъ, или въ другомъ году. Но такъ какъ этотъ приходъ ордынскій соединяетъ, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, два крайнихъ, ближайшихъ къ нему событія, смерть Андрея и замужество его дочери, то, очевидно, здѣсь разумѣется смерть Андрея Радонежскаго и выходъ за Косаго *именно его дочери*.

70) П. С. Р. Л. VI, 124; VIII, 64; Ник. IV, 256.

71) См. брата его Андрея.

72) П. С. Р. Л. VI, 143; VIII, 94; Ник. V, 94

73) П. Н. Петровъ («Исторія родовъ русскаго дворянства») называетъ княгиню Ульяну по отчеству Михайловною и гово-

Константинъ Димитріевичъ

р. 1389 † 1433.

Константинъ Димитріевичъ, младшій изъ сыновей Димитрія Донскаго, остался по смерти отца († 19 мая 1389 г.) четырехдневнымъ младенцемъ, а потому въ завѣщаніи Донскаго онъ и не былъ упомянутъ, оставшись такимъ образомъ безъ удѣла [74]). Впрочемъ, въ завѣщаніи Димитріемъ Донскимъ было предусмотрѣно возможное рожденіе у него сына отъ оставшейся беременною супруги. Въ его завѣщаніи, между прочимъ, говорится: «А дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмя по части, у большіе его братьи». Но мы нигдѣ не находимъ указаній на то, какъ выполнена была эта часть духовнаго завѣщанія Донскаго,—по крайней мѣрѣ, нигдѣ нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы именно вдова Донскаго распорядилась надѣломъ Константина. Только въ первомъ духовномъ завѣща-

---

ритъ, что по смерти Василія Владиміровича удѣлъ его перешелъ къ Василію Ярославичу. Но, по смыслу завѣщанія Владиміра Андреевича, жёны его дѣтей съ своими дѣтьми сидятъ на удѣлахъ мужей своихъ пожизненно, а потомъ передаютъ сыновьямъ. Даже если не было дѣтей, какъ у Василія Владиміровича, все-таки, по завѣщанію его отца, жена его должна была сидѣть на удѣлѣ мужа пожизненно, а она жива была еще въ 1447 г.— Эта Ульяна упоминается въ завѣщаніи Елены Ольгердовны, ея свекрови (С. г. г. и д. I, № 82). Дата издателей на немъ—«Около 1452 г.», между тѣмъ какъ Елена Ольгердовна умерла въ 1437 году (см. Карамз. V, пр. 386), отказавъ Ульянѣ нѣсколько селъ. Въ лѣтописяхъ Ульяна упоминается подъ 1447 годомъ (VI, 177; VIII, 120) по слѣдующему случаю: во время борьбы съ Юрьевичами Галицкими, великій князь Василій Васильевичъ послалъ Михаила Плещеева занять, если это удастся, Москву, бывшую въ рукахъ Шемяки. Въ день Рождества Христова (въ 1447 г.) княгиня Ульяна ѣхала въ Кремль къ заутрени; ворота, чрезъ которыя она проѣхала, остались незатворенными. Этимъ воспользовался Плещеевъ и занялъ Москву.

74) П. С. Р. Л. VIII, 52, 60; XV, 444 (подъ 6896 годомъ); Ник. IV, 184, 191.—*Г. Шиловъ* въ своемъ (плохо, кстати замѣтимъ, составленномъ), Указателѣ къ исторіи Россіи С. М. Соловьева, считаетъ Константина княземъ Нижегородскимъ, между тѣмъ какъ у Соловьева говорится только, что Константинъ былъ въ Новгородѣ и притомъ не Нижнемъ, а Великомъ.

нія Василія Димитріевича мы находимъ, относительно надѣла Константину слѣдующее: «А брата своего и сына благословляю князя Константина, даю ему въ удѣлъ Тошню да Устюжну по душевной грамотѣ отца нашего» [75]). Но когда Константинъ получилъ Угличъ, объ этомъ можно сказать только приблизительно. Владиміръ Андреевичъ, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, отдастъ Угличъ младшимъ сыновьямъ своимъ, Анд-

---

75) С. г. г. и д. I, № 39. Не мѣшаетъ замѣтить, что Василій Димитріевичъ надѣляетъ брата Тошней и Устюжной и притомъ *по душевной грамотѣ отца*, между тѣмъ какъ это должна была сдѣлать мать. Грамота № 39 отнесена издателями ко времени «около 1406 года», а супруга Донскаго, Евдокія Димитріевна, скончалась въ 1407 году. Такимъ образомъ, надобно предполагать, что Евдокія по чему либо не успѣла при жизни исполнить воли своего мужа, и что грамота писана не около 1406, а послѣ 1407 года. Кстати замѣтимъ, что въ «Древней Росс. Вивліоѳикѣ» эта грамота отнесена также невѣрно къ 1410 году. Въ этомъ послѣднемъ году Тошней уже распоряжается въ своемъ духовномъ завѣщаніи Владиміръ Андреевичъ Храбрый: «а отъимется Городецъ отъ дѣтей отъ моихъ, и па то мѣсто сыну, князю Семену, князю Ярославу Тошню на полы» (№ 40). По прежнему договору (№ 38) Василія Димитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, послѣдній получилъ, между прочимъ, вмѣсто Волока Городецъ, съ условіемъ, что если отъ Владиміра отойдетъ Городецъ, то ему дана будетъ Тошня Такимъ образомъ, приходится сдѣлать слѣдующее заключеніе: послѣ 1407 года Тошню съ Устюжной получилъ Константинъ, но еще до 1410 года Тошня какимъ то путемъ перешла къ Владиміру, отъ котораго, слѣдовательно, долженъ былъ отойти Городецъ. А между тѣмъ духовнымъ завѣщаніемъ Владиміръ Андреевичъ отдаетъ сыну своему Ивану Серпуховъ, въ числѣ волостей котораго упоминается и Городецъ. Значитъ, были такіе, не дошедшіе до насъ, договоры, вслѣдствіе которыхъ договоръ № 38 въ нѣкоторыхъ частяхъ уничтожился, и за Владиміромъ могли остаться и Тошня и Городецъ Судя по второй и третьей духовнымъ грамотамъ Василія Димитріевича, Тошня оставалась въ семьѣ Владиміра Андреевича до смерти (и даже болѣе) великаго князя, который говоритъ въ упомянутыхъ завѣщаніяхъ: «а Тошню, оже вымѣнитъ сынъ мой князь Василій (впослѣдствіи Темный) у княжихъ дѣтей у Владиміровыхъ по докончалной нашей грамотѣ съ ихъ отцемъ, ино Тошня княгинѣ же моей» Надобно, однако, замѣтить, что Городецъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича разумѣется, можетъ быть, другой, такъ какъ ихъ было много.

рею и Василію, «на полы», въ 1410 году, если только его духовная грамота писана въ этомъ году. Затѣмъ ни въ духовныхъ, ни въ договорныхъ грамотахъ мы не встрѣчаемъ Углича до 1434 года, когда великій князь Василій Васильевичъ, по договору [76]), отдалъ этотъ удѣлъ (перешедшій къ нему по смерти Константина, какъ выморочный) Димитрію Шемякѣ. Въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ Угличъ, какъ удѣлъ Константина, только подъ 1432 годомъ, когда къ нему пришелъ, какъ ниже увидимъ, бѣжавшій отъ великаго князя бояринъ Иванъ Всеволожскій [77]).

По завѣщанію Димитрія Донскаго, сынъ его Петръ Дмитровскій получилъ Угличъ, Тошню и Сяму [78]). Впослѣдствіи, по договору съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ, Угличъ перешелъ къ Владиміру Андреевичу Храброму. Мѣна произошла по тому, что нужно было дать удѣлъ Константину. По первому завѣщанію своему Василій Димитріевичъ даетъ Константину Тошню и Устюжну. Но мало этого: всѣ князья должны были участвовать въ составленіи этого удѣла, и вотъ бездѣтный Петръ Димитріевичъ уступаетъ Константину Угличъ, а въ замѣнъ того получаетъ отъ Юрія Димитріевича Шачебалъ и Ликурги, которые онъ тоже уступаетъ Константину [79]); кромѣ того, тотъ же Юрій даетъ Константину еще нѣсколько своихъ Звенигородскихъ волостей. За это, а можетъ быть и за что нибудь другое, Юрій получаетъ отъ великаго князя часть его примысла, Вятку, принадлежавшую къ Суздальско-Нижегородскому княжеству [80]). Но Василій Димитріевичъ взялъ у Константина Угличъ и помѣнялся имъ съ Владиміромъ Андреевичемъ на Ржеву для Константина же, которому придалъ еще свои волости въ Бѣжецкомъ Верхѣ; Волокъ же, вымѣненный тогда же у Владиміра на Городецъ, остался за великимъ княземъ. Но такое распредѣленіе волостей существовало только до смерти Владиміра Андреевича († 1410 года); послѣ его кончины великій князь отобралъ у его дѣтей всѣ свои пожалованія: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ [81]) и отдалъ Угличъ опять брату Константину. Влади-

---

76) П. С. Р. Л. № 52—53.
77) См. ниже примѣчаніе 95
78) С. г. г. и д. I, № 34.
79) Ibid. № 43—44.
80) Ibid. № 62
81) Ibid. № 71.

міровичи не могли противиться великому князю, Ярославъ даже ушелъ въ Литву [82]). Впрочемъ, великій князь нѣсколько вознаградилъ ихъ: онъ взялъ у Константина Тошню и отдалъ ее Владиміровичамъ, наказавши сыну (въ завѣщаніи) впослѣдствіи вымѣнять ее у нихъ.

Но обратимся къ біографіи Константина Димитріевича.

Какъ уже замѣчено было выше, онъ родился за четыре дня до смерти отца своего († 19 мая 1389 года), т. е. 14 или 15 мая 1389 года [83]).

Въ 1406 году всегда почти непріязненныя отношенія нѣмцевъ-сосѣдей къ Пскову и Новгороду нѣсколько обострились, почему Псковичи и обратились къ великому князю съ просьбой о помощи. Великій князь послалъ къ нимъ брата своего, который, пробывъ въ Новгородѣ полторы недѣли, возвратился въ Москву. Псковичи чрезъ пословъ опять просили помощи у великаго князя, и на этотъ разъ Василій Димитріевичъ отправилъ къ нимъ самаго младшаго изъ братьевъ—Константина, который, хотя и былъ «юнъ верстою» (возрастомъ), но былъ, въ тоже время, «совершенъ умомъ». Онъ пріѣхалъ во Псковъ во вторникъ на Вербной недѣлѣ (въ мартѣ). Князь и Псковичи отправили въ Новгородъ пословъ просить помощи противъ нѣмцевъ, но Новгородцы «отрекошась». Тогда Псковичи одни

---

82) П. С. Р. Л. I, 234; Ник. V, 56. Здѣсь находи ъ извѣстіе о Ярославѣ Владиміровичѣ, трудно объяснимое, по которому онъ, въ 1415 году, отъѣхалъ въ Литву; а подъ 1421 годомъ въ Ник. лѣтописи говорится, что онъ прибылъ изъ Литвы въ Москву. Не беремся по поводу этихъ извѣстій дѣлать какія бы то ни было догадки. С. М. Соловьевъ (Ист. Росс IV, 147) говоритъ, что великій князь, по смерти Владиміра Андреевича, отобралъ у дѣтей его всѣ свои пожалованія: Угличъ, Городецъ, Козельскъ и пр. (это—вѣрно), что Владиміровичи не имѣли средствъ противиться ему и должны были отказаться отъ отцовскихъ промысловъ, а одинъ изъ нихъ, Ярославъ, принужденъ былъ даже отъѣхать въ Литву. Замѣтимъ на это, что оба факта- отобраніе пожалованій и отъѣздъ Ярослава стоятъ отдѣльно, такъ что ставить ихъ въ зависимость одинъ отъ другаго, по нашему мнѣнію, невозможно, потому что лѣтопись констатируетъ только фактъ отъѣзда, ничѣмъ его не объясняя. При этомъ надобно замѣтить, что Василій Димитріевичъ въ своей духовной поручаетъ своего сына, будущаго великаго князя, между прочимъ, и Ярославу, къ которому, значитъ, относился съ довѣріемъ.

83) Цитаты—въ 74 примѣчаніи.

пошли съ своимъ княземъ на нѣмцевъ; «на заутріо Петрова дни» они переправились черезъ рѣку Нарову, взяли нѣмецкій городъ Порхъ и возвратились домой съ большимъ полономъ. 20 іюля того же года Константинъ Димитріевичъ, однако, уѣхалъ изъ Пскова въ Москву [84]).

Въ это время между Москвой и Новгородомъ были самыя натянутыя отношенія. Неудача, которую потерпѣли Москвичи въ Заволочьѣ, въ 1397 году, послѣ того какъ Новгородъ не согласился на требованія Василія и Витовта—разорвать дружбу съ нѣмцами, кажется, была причиной задержки, въ 1401 году, Новгородскаго владыки въ Москвѣ, гдѣ онъ пробылъ въ „наказаніи и смиреніи“ болѣе трехъ лѣтъ, наконецъ, нападеніе на Торжокъ, гдѣ Москвичи взяли двоихъ изъ Новгородскихъ бояръ, не нравившихся великому князю—все это должно было еще болѣе обострить ужъ и безъ того натянутыя отношенія Новгорода къ Москвѣ. Но, кажется, непріязненныя отношенія Москвы къ Литвѣ, начавшіяся обнаруживаться въ это же самое время, заставили великаго князя нѣсколько измѣнить свою тактику по отношенію къ Новгороду. Такъ владыка (въ 1404 году) и бояре (въ 1402 году) Новгородскіе, взятые въ Торжкѣ, были освобождены; мало того, въ декабрѣ 1408 года, Василій Димитріевичъ прислалъ въ Новгородъ, въ качествѣ намѣстника, своего брата Константина. Ни откуда, однако, не видно принималъ ли Константинъ Димитріевичъ какое либо участіе въ происходившихъ въ это время столкновеніяхъ Новгородцевъ съ нѣмцами [84]).

Въ 1411 году Псковичи «выпровадиша» изъ Пскова недавно присланнаго къ нимъ Васильемъ Димитріевичемъ князя Александра Ростовскаго и чрезъ пословъ просили у великаго князя Московскаго меньшаго брата его Константина. Великій князь изъявилъ согласіе и Константинъ Димитріевичъ пріѣхалъ

84) П. С. Р. Л. III, 102—103; IV, 109, 197; V, 256—257; VI, 134; VIII, 81; Ник. V, 9. По V (въ варіантахъ) Псковичи взяли г. Визну, по VI—Язвинъ, а по VIII—Явизну. Такой городъ намъ неизвѣстенъ. По VI и VIII лѣтописей Константинъ, въ 6915 году, опять ходилъ на нѣмцевъ, многихъ побилъ, а иныхъ полонилъ. Въ Софійской 2-й лѣтописи есть подъ тѣмъжегодомъ статья: «Отъ житья св. Варлама (Хутынскаго), како исцѣлѣ у гроба его князь Костянтинъ Дмитреевичъ» отъ какой то тяжкой болѣзни.

84 a) Ibid. V, 257.

въ Псковъ 11 ноября 1412 года, но въ слѣдующемъ 1413 году онъ отъѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ пробылъ, впрочемъ, только годъ и опять возвратился въ Псковъ [85]). Отъѣздъ Константина въ Новгородъ былъ, кажется, въ связи съ натянутыми отношеніями Новгорода къ Литвѣ. Въ 1407 году Новгородцы приняли къ себѣ Литовскаго князя Лугвенія-Симеона, который въ 1412 году, вслѣдствіе того, что Новгородцы отказали Ягайлу и Витовту въ разрывѣ союза съ нѣмцами, выѣхалъ изъ Новгорода. Всѣ трое: Ягайло, Витовтъ и Лугвеній, 2 января 1412 года, прислали въ Новгородъ разметную грамоту. Константинъ, вѣроятно потому, что до войны дѣло не дошло, опять возвратился въ Псковъ, а въ 1414 году уѣхалъ изъ Пскова въ Москву [86]). Затѣмъ до 1419 года Константинъ Димитріевичъ какъ бы исчезаетъ со страницъ лѣтописей; но въ этомъ послѣднемъ году мы видимъ его въ ссорѣ съ великимъ княземъ. Василій Димитріевичъ недовѣрчиво относился къ двоимъ изъ братьевъ: старшему по себѣ Юрію и Константину. Это недовѣріе рѣзко выразилось въ его духовныхъ грамотахъ, изъ которыхъ въ первой и послѣдней (третьей) Константинъ не упоминается въ числѣ тѣхъ князей и лицъ, которымъ Василій Димитріевичъ поручаетъ въ опеку своего малолѣтняго сына, будущаго великаго князя Московскаго [87]). Ключъ къ разгадкѣ такихъ отношеній между родными братьями намъ извѣстенъ. Въ 1419 году, Василій Димитріевичъ «въсхотѣ подписати подъ сына своего Василіа» младшаго изъ братьевъ своихъ, Константина Но послѣдній оказалъ сопротивленіе: „этого отъ начала не бывало“, сказалъ онъ: „и зачѣмъ ты теперь хочешь учинить надо мной насиліе?“ Великій князь сильно разгнѣвался на брата, лишилъ его удѣла, арестовалъ его бояръ, а села и пожитки забралъ въ свою казну [88]). Очевидно, старинныя понятія о старшинствѣ

---

85) П. С. Р. Л. IV, 201 (подъ 6920 годомъ); V, 21—22.

86) Ibid. III, 105; IV, 113—114, 201; V, 21—22; 258—259; VIII, 86; Ник. V, 46; Карамзинъ 8, стр. 107, прим. 202, 217, 254. Не помѣщаемъ въ текстѣ лѣтописнаго извѣстія о томъ, что въ 6924 году Константинъ, вмѣстѣ съ старшими братьями, Василіемъ и Юріемъ, присутствовалъ при хиротоніи діакона Самсона (по хиротоніи Симеона) въ Новгородскіе архіепископы.

87) С. г. г. и д №№ 39, 41, 42. Первая духовная грамота Василія Димитріевича писана, кажется, послѣ 1407 года (см. примѣч. 74), вторую относятъ къ 1423, а послѣднюю, третью, къ 1424 году.

88) П. С Р. Л. III, 109; IV, 119 (подъ 6929 г.); V, 261 (въ варіантахъ); Ник. 8, 73.

въ наслѣдованіи великокняжескаго стола, хотя уже, такъ сказать, и уничтожались въ массѣ тогдашняго общества, стоявшаго за новый порядокъ престолонаслѣдія, но еще держались между самими князьями, хотя бы только какъ видимый законный предлогъ для достиженія честолюбивыхъ или властолюбивыхъ цѣлей.

Константинъ послѣ ссоры съ великимъ княземъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, 25 февраля 1420 года, принятъ былъ съ честью.—Новгородцы дали ему тѣ пригороды, которые были за Симеономъ-Лгвеніемъ, а также какой то денежный сборъ, называвшійся тогда *корбейщиною* (кажется, это—доходная статья отъ зерноваго хлѣба), значеніе которой пока еще никѣмъ не объяснено [89]). На этотъ разъ невольный изгнанникъ принималъ болѣе замѣтное участіе въ дѣлахъ Новгородцевъ. Въ томъ же 1420 году, осенью, въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы для того, чтобы условиться о съѣздѣ уполномоченныхъ отъ нѣмцевъ съ одной стороны, отъ Новгородцевъ и князя Константина съ другой, для заключенія міра. Изъ Новгорода посланы были: намѣстникъ великаго князя, князь Ѳеодоръ Патрикіевичъ, посадники и другіе знатные Новгородцы, которые встрѣтились съ нѣмецкими уполномоченными «на Наровѣ» и заключили вѣчный миръ по старинѣ, какъ было—говоритъ лѣтопись—при великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ [90]).

Надобно полагать, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Новгородъ отношенія Константина къ великому князю измѣнились къ лучшему, по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что въ 1421 году онъ пріѣхалъ изъ Новгорода въ Москву. На прощаньи Новгородцы его одарили и владыка Симеонъ, посадники, тысяцкіе и бояре съ честью его проводили [91]). Кромѣ

89) П. С. Р. Л. III, 109, 136 (прибылъ въ Новгородъ въ 6927 г.); по VI, 141, какъ и по III, 109 онъ прибылъ въ Новгородъ 6928 года.

90) Ibid. III, 109; VI, 141; VIII, 90; Ник. V, 76 (подъ 6929 г.). Степ. кн. I, 533 говоритъ, что въ 6928 году въ Новгородѣ господствовалъ Константинъ Димитріевичъ и что къ нему приходили и заключили вѣчный миръ нѣмцы изъ *Велья*. Здѣсь подъ Велье надобно разумѣть, кажется, г. Феллинъ, такъ какъ г. Велье или Велья принадлежалъ Пскову. См *Е. Е. Замысловскаго* Историческій атласъ (въ текущемъ году вышло новое третье изданіе этого атласа).

91) Ibid. III, 109; VI, 142; VIII, 91, Ник. V, 78.

того, о перемѣнѣ отношеній между братьями къ лучшему говоритъ тотъ фактъ, что во второмъ духовномъ завѣщаніи Василія Димитріевича, которое нужно отнести къ самымъ послѣднимъ годамъ его жизни (1421—1424 г.), Константинъ значится въ числѣ тѣхъ лицъ, которымъ великій князь поручаетъ своего сына наслѣдника [92]). Въ третьей духовной грамотѣ Василія Димитріевича, какъ уже было замѣчено выше, Константинъ не упоминается въ числѣ опекуновъ будущаго великаго князя, каковое обстоятельство опять ведетъ къ тому предположенію, что въ самые послѣдніе дни жизни Василія Димитріевича отношенія между братьями снова ухудшились.

27 февраля 1425 года Василій Димитріевичъ скончался, и великокняжескій столъ, по его завѣщанію, занялъ сынъ его Василій. Но явился другой претендентъ на великокняжескій столъ въ лицѣ старшаго дяди Василія, Юрія Димитріевича, князя Галицкаго и Звенигородскаго. Впрочемъ, племянникъ и дядя заключили до поры до времени перемиріе до Петрова дня. Это время Юрій употребилъ на собираніе ратныхъ силъ. Великій князь, или лучше сказать, его бояре, также собирали рати. На сторонѣ великаго князя были и младшіе дядья его, въ томъ числѣ и Константинъ Димитріевичъ. Узнавъ, что Московское войско выступило противъ него и направилось къ Переяславлю, Юрій Димитріевичъ бѣжалъ въ Нижній-Новгородъ; въ погоню за нимъ посланъ былъ Константинъ, отъ котораго Юрій ушелъ за рѣку Суру, куда Константинъ и послѣдовалъ за братомъ. Простоявъ однако на противуположныхъ берегахъ рѣки нѣсколько времени, братья разошлись безъ боя. За невозможностью переправиться черезъ рѣку, Константинъ пошелъ обратно въ Москву, а Юрій чрезъ Нижній-Новгородъ въ Галичъ [93]).

92) С. г. г. и д. I, № 41. Издатели относятъ эту грамоту къ 1423 году, а «Древняя Россійская Вивліоѳика» къ 1425 году. Какъ бы то ни было, но ранѣе 1417 года, когда умеръ старшій сынъ великаго князя Иванъ, грамота не могла быть написана, такъ какъ въ ней старшимъ сыномъ является уже Василій, будущій великій князь. А если принять въ соображеніе, что въ грамотѣ упоминается въ числѣ опекуновъ малолѣтняго наслѣдника великокняжескаго стола Константинъ, разссорившійся съ великимъ княземъ въ 1419 году и возвратившійся изъ Новгорода (куда онъ ушелъ послѣ ссоры) въ Москву въ 1421 году, то положительно можно сказать, что эта грамота писана, если не въ самый 1421 годъ, то нѣсколько позднѣе, но раньше конечно 1425 года.

93) П. С. Р. Л. V, 263; VI, 143—144; VII, 225; VIII, 2, 92; Ник. V, 82—83. Софійская вторая лѣтопись подъ 6933 го-

Года черезъ четыре послѣ того (въ 1429 году) приходили къ Галичу татары, города не взяли, а разорили волости. Потомъ, на Крещеніе, они изгономъ пришли на Кострому, взяли здѣсь много плѣнныхъ („полѣниша ю"), взяли также Плесо и Лугъ и ушли внизъ по рѣкѣ Волгѣ. Василій Димитріевичъ выслалъ противъ нихъ Андрея и Константина Димитріевичей, которые дошли до Нижняго-Новгорода, но догнать татаръ не могли [94]).

Затѣмъ въ лѣтописяхъ мы еще только разъ встрѣчаемъ имя Константина Димитріевича подъ 1433 годомъ. Бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, за услуги оказанныя имъ великому князю въ Ордѣ, гдѣ дядя и племянникъ оспаривали другъ у друга права на великокняжескій столъ, надѣялся выдать дочь свою за великаго князя, но обманулся. Оскорбленный бояринъ ушелъ въ Угличъ къ князю Константину Димитріевичу, а отсюда въ Тверь и потомъ въ Галичъ къ Юрію Димитріевичу [95]) Такъ какъ послѣ того Константинъ Димитріевичъ въ лѣтописяхъ не упоминается, а въ 1434 году мы видимъ Угличъ въ рукахъ Димитрія Юрьевича Шемяки, которому онъ достался по договору съ великимъ княземъ [96]), то съ полной

домъ говоритъ, что послѣ Василія Димитріевича на великомъ княженіи сѣлъ сынъ его, Василій, что въ ту же весну Юрій Димитріевичъ ушелъ (не сказано, откуда) въ Галичъ; далѣе, упомянувши о походѣ Витовта на Псковъ и о смерти Ивана Михайловича Тверскаго, лѣтопись эта говоритъ, что въ томъ же году Юрій пошелъ къ Нижнему, что великій князь послалъ за нимъ Андрея Димитріевича, который «не дошедъ, воротися». (Софійская первая лѣтопись то же передаетъ подъ 6933 годомъ). А подъ 6938 годомъ 2-я Софійская лѣтопись говоритъ, что Юрій разорвалъ миръ съ великимъ княземъ и сѣлъ въ Нижнемъ, а великій князь послалъ за нимъ Константина и проч. какъ въ текстѣ. По обѣимъ Софійскимъ лѣтописямъ великій князь посылаетъ Андрея, а по всѣмъ другимъ лѣтописямъ—Константина. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Карамз. V, пр. 257), Андрей ничего не сдѣлалъ «поровя ему» (Юрію). Въ самомъ дѣлѣ, почему же Юрій могъ перебраться чрезъ Суру, а Андрей или Константинъ не могли? Когда Московскія рати удалились, Юрію опять предстояло перебираться черезъ Суру и онъ перебрался!

94) П. С. Р. Л. VI, 143; VIII, 94—95; (V, 263 князья не поименованы); Ник. V, 97.

95) Ibid. V, 264; VIII, 98; Ник. V, 112.

96) С. г. г. и д. I, № 52—53.

достовѣрностью можно предполагать, что Константинъ Димитріевичъ скончался, если не въ 1433 году, то въ началѣ 1434 года [97]).

Супругу Константина Димитріевича звали Анастасіею; всѣ наши свѣдѣнія о ней ограничиваются только однимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ, по которому она скончалась въ октябрѣ 1419 года [98]).

Нѣкоторыя родословныя, какъ наприм. родословная лѣтописная (въ VII т. стр. 238), даютъ Константину Димитріевичу сына Семена, о которомъ, впрочемъ, до насъ не дошло ни какихъ лѣтописныхъ извѣстій.

Димитрій Юрьевичъ *Шемяка*.

1420 † 1453.

Димитрій Юрьевичъ, средній изъ трехъ сыновей Юрія Димитріевича князя Галичскаго, владѣлъ наслѣдіемъ, доставшимся братьямъ Юрьевичамъ по смерти отца ихъ, т. е. Галичемъ, Рузою и Вышгородомъ; Угличъ же вмѣстѣ съ Ржевою былъ данъ ему великимъ княземъ по договору [99]). Угличемъ Димитрій Шемяка владѣлъ до 1448 года, когда ему, по занятіи Москвы, приверженцами Василія Васильевича пришлось бѣжать въ Галичъ, Чухлому и далѣе въ Каргополь. Имя Димитрія Юрьевича начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ только съ 1433 года. Въ этомъ году онъ пировалъ въ Москвѣ на свадьбѣ великаго князя и былъ свидѣтелемъ извѣстной сцены, происшедшей между старшимъ братомъ его, Василіемъ Косымъ, и матерью великаго князя, Софьей Витовтовной, изъ за драгоцѣннаго пояса. Оскорбленные Юрьевичи удалились изъ Москвы въ Галичъ, по пути въ него разграбивъ Ярославль и похитивъ «казны всѣхъ князей» Ярославскихъ. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ враждебныхъ столкновеніяхъ отца своего съ великимъ княземъ Димитрій Шемяка также принималъ дѣятельное участіе: ходилъ съ нимъ противъ великаго князя Василія Василье-

97) Передъ смертью онъ постригся въ иноческій чинъ и принялъ имя Кассіана. См. Кар. V, пр. 122.

98) П. С. Р. Л. I, 235. (По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ супруга князя Константина Димитріевича была княжна Ростовская).

99) См. примѣчаніе 96 и текстъ къ нему.

вича; по занятію Юріемъ Москвы, участвовалъ въ договорахъ послѣдняго съ князьями: Можайскимъ, Верейскимъ и Рязанскимъ; участвовалъ въ битвѣ на р. Куси, гдѣ Галицкіе князья одержали верхъ надъ Московскими полками [100]).

Когда великій князь (послѣ того, какъ Юрій уступилъ ему великокняжескій столъ, у него же отнятый, и обязался не принимать къ себѣ старшихъ сыновей своихъ и не помогать имъ) узналъ, что, въ противность договору, воеводы и многіе люди Юрія участвовали въ битвѣ при р. Куси, онъ выступилъ въ походъ противъ дяди и взялъ и сжегъ Галичъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ непріязненныхъ столкновеніяхъ дяди съ племянникомъ, старшіе Юрьевичи опять принимали дѣятельное участіе: Димитрій, по порученію отца, ходилъ за Вятчанами и участвовалъ въ пораженіи великаго князя въ Ростовской области; потомъ, когда великій князь изъ Великаго Новгорода, куда бѣжалъ, перебрался въ Нижній, Шемяка, по порученію отца, повелъ на него изъ Москвы рати вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, Димитріемъ Краснымъ, Юрьевичи были еще только во Владимірѣ, какъ до нихъ дошла вѣсть о неожиданной кончинѣ отца ихъ и о занятіи великокняжескаго стола старшимъ братомъ ихъ, Василіемъ Косымъ. Вскорѣ послѣдній и самъ послалъ имъ извѣстіе о кончинѣ отца, о своемъ здоровьѣ и вокняженіи. Младшіе братья отвѣчали старшему: «Если Богъ не захотѣлъ, чтобы княжилъ нашъ отецъ, то тебя—то мы и сами не хотимъ». Затѣмъ они пригласили Василія Васильевича на великокняжескій столъ и вмѣстѣ съ нимъ заставили самозваннаго великаго князя бѣжать изъ Москвы [101]).

По возвращеніи великокняжескаго стола, Василій Васильевичъ заключилъ съ Шемякой договоръ, по которому послѣдній обязывался держать подъ великимъ княземъ его великое княженіе честно и грозно, не вступаться въ удѣлъ Петра Димитріевича, г. Дмитровъ, въ Звенигородъ, взятый великимъ княземъ у Василія Косаго, а также въ Вятку. Со своей стороны, Василій Васильевичъ обѣщался держать Димитрія въ братствѣ и чести безъ обиды, какъ держалъ отецъ его, Василій Димитріевичъ, своего молодшаго брата, Юрія Димитріевича; печало-

---

100) П. С. Р. Л. V, 265; VI, 148—149; VIII, 97—98; XV, 490; Ник. V, 113—117.

101) Ibid. V, 28, 265—266; VI, 149; VIII, 98—99; Ник. V, 117—118; С. г. г. и д. I, №№ 49—50.

ваться отчиною его, чѣмъ благословилъ его отецъ его, Юрій Димитріевичъ: «городы и волости и селы, Галичемъ и Рузою и Вышегородомъ и съ волостми и съ путми и съ селы»; печаловаться и тѣмъ, что онъ самъ пожаловалъ Шемякѣ, а пожаловалъ онъ „Ржеву и Угличе и съ волостми и съ селы, и со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за княземъ за Костянтиномъ за Димитреевичемъ; также и въ Московскомъ уѣздѣ села: Зарадылье, Сохна, Раменейцо, Осташевское деревни, Щукиньское, опрочь году Московского и пошлинъ Московьскыхъ; также, брате, и Сурожыкъ и Шошкова и Лучиньское и Костромьскыхъ волостей Корега, по дѣловымъ по вашымъ грамотамъ, какъ ся есте подѣлили съ своимъ братомъ Шемяка со княземъ съ Дмитріемъ съ меншымъ“ [102]).

Василій Косой бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ. Но вскорѣ онъ выѣхалъ оттуда съ намѣреніемъ идти войной на великаго князя. Проигравъ битву на берегу р. Которости. Косой бѣжалъ въ Кашинъ, а отсюда—на Вологду. Во второй разъ враги встрѣтились у Ипатьевскаго монастыря между рр. Волгой и Костромой. Рѣка Кострома мѣшала вступить имъ въ бой, и они примирились: по мирному договору Василій Косой получилъ въ удѣлъ Дмитровъ. Проживши въ этомъ городѣ мѣсяцъ, онъ ушелъ въ Кострому, пославши великому князю разметную грамоту. Дождавшись тамъ установки зимняго пути, Косой перебрался къ брату въ Галичъ, а отсюда пошелъ къ Устюгу, куда пришли къ нему и вятчане. Устюжскую крѣпость онъ взялъ на извѣстныхъ условіяхъ, не могши взять ея силой, но не соблюлъ этихъ условій: убилъ Московскаго воеводу князя Оболенскаго, повѣсилъ десятильника Ростовскаго владыки, перебилъ и перевѣшалъ многихъ гражданъ. Въ это время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу: Юрьевичъ собирался жениться на дочери Димитрія Васильевича, князя Заозерскаго. Великій князь подозрѣвалъ Шемяку, какъ соучастника, въ замыслахъ Косаго. Дѣйствительно, дворъ Шемяки находился въ то время при его старшемъ братѣ, и подозрѣнія великаго князя. такимъ образомъ, имѣли нѣкоторое основаніе. Василій Васильевичъ приказалъ схватить Юрьевича и въ оковахъ отправить въ Коломну; но, при выступленіи противъ Косаго, онъ приказалъ освободить Шемяку отъ оковъ и «быти ему простому на Коломнѣ», конечно, безвыѣздно и подъ над-

---

102) С. г. г. и д. I, №№ 52—55.

зоромъ приставовъ. Возвратившись изъ похода, великій князь вызвалъ Шемяку изъ Коломны и „пожаловалъ его“. Тогда же между двоюродными братьями былъ заключенъ договоръ или, лучше сказать, подтвержденъ былъ прежній договоръ, по которому великій князь удерживалъ за собой Дмитровъ и Звенигородъ, а Шемяка, кромѣ Галичскаго удѣла, получалъ Ржеву и Угличъ [103]).

Въ 1437 г. ханъ Улу-Махметъ выгнанъ былъ изъ улусовъ своихъ братомъ своимъ, Кичи-Махметомъ. Изгнаникъ, ища убѣжища, поселился на русской границѣ, въ г. Бѣлевѣ. Великій князь требовалъ, чтобъ онъ удалился отъ границы, но Улу-Махметъ не слушалъ великаго князя, тогда послѣдній рѣшился прогнать его силой оружія. Въ походъ противъ хана назначены были Юрьевичи, Шемяка и Красный. Но эти князья прошли до Бѣлева не какъ вожди, а скорѣе какъ грабители: по пути они все предавали огню и мечу, забирая добычу, не щадя ни своихъ, ни чужихъ,—словомъ, по выраженію лѣтописи, «все пограбиша и неподобная и скверная дѣяху». Самонадѣянность вождей была причиной того, что они съ позоромъ бѣжали отъ Улу-Махмета, преслѣдуемые его немногочисленнымъ войскомъ. Это было уже въ 1438 году [104]).

Событія слѣдующихъ двухъ годовъ представляются нѣсколько неясными и неопредѣленными. Въ началѣ іюля 1439 года на Москву напалъ Улу-Махметъ [105]). Какъ видно изъ посланія духовенства къ Шемякѣ [106]), великій князь требовалъ отъ послѣдняго, но не получилъ, помощи. Къ 24 іюня слѣдующаго м440 года относится договоръ Василія Васильевича съ Димитріемъ Шемякою; въ этомъ договорѣ, между прочимъ, говорится: «также и нынѣча что будете взяли (Юрьевичи) на Москвѣ ны-

---

103) П. С. Р. Л. V, 266—267; VIII, 99—100; Ник. V, 121; С. г. г. и д. I, №№ 52—59; Акты Арх. Эксп. I, № 29; Акты ист I, № 40.

104) Ibid. V, 267; VI, 150; VIII, 107; Ник. V, 125 Улу-Махметъ, судя по нѣкоторымъ частностямъ, встрѣчаемымъ въ лѣтописяхъ, передающихъ этотъ эпизодъ, поселился не въ самомъ Бѣлевѣ, а близь него, на р. Бѣлевѣ, какъ говоритъ Софійская вторая лѣтопись: „постави себѣ городъ на рѣцѣ на Белевѣ, отъ хврастіа себѣ исплетъ и снѣгомъ посыпа и водою поли и смерзеся крѣпко и хотѣ ту зимовати“.

105) П. С. Р. Л. VI, 169; VIII, 107; Ник. V, 136.

106) Акты ист. I, № 40.

пѣшимъ приходомъ у меня и у моее матери, и у моихъ князей, и у бояръ моихъ, и у дѣтей у боярскихъ, и что будетъ у васъ, и вамъ то отдати». Этотъ „приходъ“ Юрьевичей (коуечно, подъ Москву или въ самую Москву), само собою разумѣется, былъ раньше 24 іюня 1440 года и слѣдовательно ранѣе похода ихъ на Улу-Махмета когда они были еще въ мирѣ съ великимъ княземъ. Далѣе: подъ 1442 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о походѣ Василія Васильевича на Шемяку, который бѣжалъ въ Новгородъ, не надѣясь на свои силы или потому, что застигнутъ былъ врасплохъ, а потомъ, что Шемяка самъ пошелъ было на Москву, но, при посредствѣ Троицкаго игумена Зиновія, примирился съ великимъ княземъ. Такимъ образомъ, о приходѣ Юрьевичей въ Москву въ 1440 году мы не имѣемъ лѣтописныхъ извѣстій, и нѣкоторые [107]) ставятъ, по этому случаю, вопросъ: не есть непріятельскій приходъ Юрьевичей подъ Москву въ 1440 году, извѣстный намъ только по оффиціальному документу, тотъ же самый, о которомъ лѣтописи говорятъ подъ 1442 годомъ? Въ такомъ случаѣ порядокъ событій будетъ слѣдующій: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву; Василій требовалъ, но не получилъ, помощи отъ Шемяки, за это великій князь пошелъ ратью на Юрьевича, который бѣжалъ въ Новгородъ, а потомъ самъ явился подъ Москвой и заключилъ миръ. Какъ бы то ни было, а походъ Василія Васильевича на Димитрія Юрьевича передается въ лѣтописяхъ такъ. Великій князь «взверже нелюбіе» на Шемяку, или какъ другая лѣтопись выражается — «роскыпулъ съ Шемякою» и выступилъ противъ него къ Угличу. Юрьевичъ бѣжалъ въ Бѣжецкій верхъ «и много волостямъ пакости сътвори»; потомъ отправилъ въ Новгородъ посла сказать Новгородцамъ: «чтобы (мя есте) пріяли на своей волѣ». Новгородцы отвѣчали: «хошь, княже, и ты къ намъ поѣди; а не въсхошь, ино какъ тебѣ любо» [108]). Послѣ или до помянутаго посольства Шемяки въ

---

107) С. М. Соловьевъ. Ист. Рос. IV, 61.

108) Въ Никон. лѣт. (V, 157) факты передаются въ такомъ порядкѣ: Василій идетъ къ Угличу на Шемяку; послѣдній бѣжитъ въ Бѣжецкій верхъ, а великій князь возвращается въ Москву, между тѣмъ какъ Шемяка съ княземъ Александромъ Черторижскимъ едва не подступаетъ къ самой Москвѣ. Враговъ примирялъ Троицкій игуменъ Зиновій. Осенью въ Москвѣ былъ пожаръ. Зимой Шемяка, боясь великаго князя, послалъ въ Новгородъ спросить, примутъ ли его Новгородцы «на своей ихъ волѣ»

Новгородъ—по лѣтописямъ это не довольно ясно—Юрьевичъ съ княземъ Александромъ Черторижскимъ доходилъ едва не до самой Москвы; но (двоюродныхъ) братьевъ примирилъ Троицкій игуменъ Зиновій [109]).

Это примиреніе, какъ показываютъ послѣдующія событія, было неискренне со стороны Шемяки: онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы занять великокняжескій столъ, и такой случай года черезъ три представился.

Въ 1445 году Улу-Махметъ напалъ на Нижній-Новгородъ и занялъ старый городъ. Отсюда онъ направился на Муромъ. Въ началѣ января великій князь выступилъ въ походъ; съ нимъ были князья: Димитрій Шемяка, Иванъ и Михаилъ Андреевичи Можайскіе и Василій Ярославичъ Боровско-Серпуховскій. Махметъ бѣжалъ, но въ томъ же году весной послалъ „на Суздальску область сыповей своихъ, Мамутека и Ягуба". Въ іюнѣ великій князь выступилъ противъ нихъ; съ нимъ опять пошли князья Можайскіе и Василій Ярославичъ Боровско-Серпуховскій, но Шемяка, въ противность договору, ни самъ не пошелъ, ни полковъ своихъ не прислалъ, не смотря на то, что за нимъ посылали нѣсколько разъ. Бой подъ Суздалемъ, близъ Евѳиміева монастыря, кончился полнымъ пораженіемъ русскихъ; самъ

---

109) П. С. Р. Л. III, 113; IV, 122; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 157. Въ Новгородской первой лѣтописи такъ передаются событія: Шемяка бѣжалъ отъ Василія въ Бѣжецкій верхъ и «много... пакости сътвори»; затѣмъ отправилъ посла въ Новгородъ съ извѣстнымъ предложеніемъ, но о походѣ его съ Черторижскимъ къ Москвѣ ничего не говорится. Въ другихъ лѣтописяхъ (кромѣ Никоновской) это событіе такъ передается: Шемяка бѣжалъ отъ Василія въ Бѣжецкій верхъ; потомъ пошелъ съ Черторижскимъ къ Москвѣ, но братьевъ примирилъ игуменъ Зиновій. О посольствѣ Шемяки въ Новгородъ ничего не говорится. Карамзинъ (V, 174) и Татищевъ (IV, 549) въ такомъ порядкѣ передаютъ эти событія: осенью Василій пошелъ къ Угличу, а Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій верхъ; между тѣмъ какъ Василій возвратился въ Москву, Шемяка съ Черторижскимъ пошли на Васильевъ, но ихъ примирилъ игуменъ Зиновій. Шемяка, между тѣмъ, боясь великаго князя, зимой того же года послалъ въ Новгородъ съ извѣстнымъ предложеніемъ и получилъ извѣстный отвѣтъ. Къ этому Карамзинъ добавляетъ, что Шемяка остался въ своемъ удѣлѣ или потому, что ему не понравился отвѣтъ Новгородцевъ, или потому, что тогдашнія обстоятельства Новгорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища.

великій князь взятъ былъ въ плѣнъ. Татары мимо Владиміра и Мурома прошли къ Нижнему-Новгороду, откуда Махметъ со всей ордой своей пошелъ къ Курмышу, отправивъ къ Шемякѣ посла Бегича съ извѣстіемъ о взятіи въ плѣнъ Василія Васильевича. Юрьевичъ съ великимъ почетомъ принялъ ханскаго посла, такъ какъ видѣлъ, что благопріятное время для достиженія намѣченной имъ цѣли наступило. Онъ отпустилъ Бегича «съ всѣмъ лихомъ на великаго князя» и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ хану своего посла, дьяка Ѳеодора Дубенскаго, которому поручилъ всѣми мѣрами стараться о томъ, чтобы великій князь не былъ выпущенъ изъ плѣна. Кажется, Махметъ отправлялъ посла къ Шемякѣ съ тѣмъ, чтобы разузнать, отъ кого можно болѣе получить за великокняжескій столъ, который въ это время находился, можно сказать, въ полномъ его распоряженіи. Но должно быть Махметъ нетерпѣливо желалъ поскорѣе покончить это дѣло: между тѣмъ какъ его и Шемякинъ послы были уже въ Муромѣ, ему вообразилось, что Бегичъ убитъ Шемякой и что ждать возвращенія его не приходится, а потому онъ вступилъ въ сдѣлку съ Василіемъ и на извѣстныхъ условіяхъ отпустилъ его [110]).

Бегичъ и посолъ Шемяки, выѣхавъ изъ Мурома, узнали по дорогѣ, что великій князь выпущенъ изъ плѣна и той же дорогой ѣдетъ въ Москву. Они вернулись назадъ въ Муромъ, гдѣ князь Василій Ивановичъ Оболенскій схватилъ Бегича и заковалъ его въ цѣпи. Узнавъ обо всемъ этомъ, Шемяка бѣжалъ въ Углічъ. Это было въ 1446 году. Потерпѣвъ неудачу, Юрьевичъ, для достиженія своей цѣли, пустилъ ложный слухъ о томъ, что Василій выпущенъ изъ плѣна съ условіемъ, чтобы ему княжить въ Твери, а на великомъ и другихъ княженіяхъ — хану. Этому слуху могли придавать вѣру тѣмъ болѣе, что многіе недовольны были приходомъ множества татаръ, вышедшихъ изъ Улу Махметовской орды вмѣстѣ съ Василіемъ; кромѣ того народъ могъ быть недоволенъ отъ тягости податей, усиленныхъ для уплаты хану окупа. При помощи этого ложнаго слуха, Шемяка втянулъ въ свои интересы Бориса Тверскаго и Ивана Можайскаго. У послѣдняго были прежде неудовольствія съ великимъ княземъ, но въ 1445 году іюля 17-го между ними состоялся договоръ [111]), по которому великій князь давалъ Ивану

110) П. С. Р. Л. VI, 171—172; VIII, 112—114; Ник. V, 200; Акты Ист. I, № 40.

111) С. г. г. и д. I, № 61. Василій Васильевичъ и Михаилъ Андреевичъ находились въ это время въ плѣну. Въ такомъ слу-

Можайскому Козельскъ съ волостями, и Иванъ Андреевичъ такимъ образомъ не имѣлъ причинъ жаловаться на великаго князя. Но выдумка Шемяки удалась и оба князя Тверской и Можайскій стали на сторону Шемяки. Въ Москвѣ также много было недовольныхъ великимъ княземъ; въ числѣ ихъ были бояре, гости и даже чернецы. Главнымъ изъ Московскихъ недовольныхъ былъ какой-то Иванъ Старковъ. Около Шемяки болѣе дѣятельными помощниками его были какіе-то Константиновичи, изъ которыхъ особенно выдавался Никита Константиновичъ [112]). Враги Василія только выжидали благопріятнаго времени, чтобы осуществить свои замыслы.

Въ началѣ февраля 1446 года Василій Васильевичъ собрался съ своими дѣтьми, Иваномъ и Юріемъ, въ Троицкій монастырь на богомолье. Московскіе единомышленники Шемяки «по вся дни» давали знать ему, что дѣлалось въ Москвѣ. Узнавъ этимъ путемъ о выѣздѣ великаго князя изъ Москвы, Шемяка и Иванъ Можайскій соединились въ Рузѣ и 12 февраля и доступили къ Москвѣ, въ которую вошли при помощи тѣхъ же единомышленниковъ своихъ. Василій схваченъ былъ въ Троицкомъ монастырѣ княземъ Можайскимъ, привезенъ въ Москву и 16 февраля ослѣпленъ. При этомъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Василію ставилось въ вину, зачѣмъ онъ привелъ татаръ на Русь и отдалъ имъ въ кормленіе города и волости; обвиняли также его и въ томъ, что онъ чрезъ мѣру любилъ татаръ и рѣчь ихъ, а христіанъ томилъ безъ милости; золото, серебро отдавалъ татарамъ; наконецъ, винили въ томъ, что онъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича. Ослѣпленный великій князь вмѣстѣ съ супругой сосланъ былъ въ Угличъ въ заточеніе, а мать его, Софья Витовтовна, отправлена въ Чухлому. Итакъ, Шемяка достигъ своей цѣли—сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Но положеніе его было не прочно. Хотя въ Москвѣ и много было недоброжелателей Василія, но это было, сравнительно, меньшинство; симпатіи же большинства были на сторонѣ Василія, какъ законными: уступками своимъ пособникамъ, поточкой чиновникамъ и пр. Можетъ быть, въ это время сложилась и народная пословица о неправомъ судѣ, какъ о судѣ Шемякиномъ. Если

чаѣ надобно предполагать, что отъ имени Ивана Андреевича съ великимъ княземъ велъ переговоры братъ его, Михаилъ. См. «Ист. Росс.» Соловьева, т. IV, пр. 78.

112) П. С. Р. Л. V, 268; VI, 172—173; VIII, 114—115; Ник. V, 201.

своимъ пособникамъ Шемяка дѣлалъ уступки, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ уступать передъ большей силой. Вскорѣ по занятіи Москвы, онъ «присла поклонщики въ Новгородъ»; Новгородцы отправили къ нему посадниковъ, Ѳеодора и Василія, «и князь Димитрій крестъ цѣлова на всѣхъ старинахъ». . Московскіе жители хотя и цѣловали къ нему крестъ, но не всѣ и притомъ многіе не только „негодоваху о княженіи его", но коннаго государя. Безправно запявши великокняжескій столъ, Шемяка и держаться долженъ былъ на немъ средствами без- «и на самого мысляху». Шуринъ великаго князя, Василій Ярославичъ, и князь Семенъ Ивановичъ Оболенскій бѣжали въ Литву; кромѣ того, дѣти Василія, спасаясь отъ плѣна, укрѣпились въ Муромѣ; Борисъ Тверской, какъ будто, также подозрительно относился или сталъ относиться къ Шемякѣ: Новгородскихъ посадниковъ, ходившихъ въ Москву, онъ держалъ «на опасѣ» четыре мѣсяца и только тогда отпустилъ ихъ. Все это должно было сильно тревожить Шемяку, особенно дѣти Василія, противъ которыхъ, въ виду замѣтнаго въ народѣ ропота, онъ не могъ употребить силу. Но такъ или иначе ему хотѣлось отдѣлаться отъ нихъ, и онъ нашелъ средство. Призвавъ Рязанскаго владыку Іону, предназначавшагося имъ на митрополію, онъ поручилъ ему отправиться въ Муромъ и взять «на свой патрахѣль» дѣтей Василія, «обѣщавая дать отцу ихъ и имъ удѣлъ». Владыка успѣшно исполнилъ порученіе; но Шемяка, ласково принявъ и одаривъ племянниковъ, отправилъ ихъ затѣмъ съ тѣмъ же владыкой къ отцу въ Угличъ въ заточеніе. Этотъ поступокъ Шемяки вооружилъ противъ него многихъ и въ особенности князей Рязанскихъ, сдавшихъ дѣтей Василія (съ которыми они засѣли въ Муромѣ) владыкѣ Іонѣ, также князя Ивана Стригу-Оболенскаго, брата его Бобра и другихъ, которые рѣшились высвободить Василія изъ Углича. Но о заговорѣ ихъ Шемяка вовремя узналъ, и заговорщики въ пользу законнаго великаго князя вынуждены были удалиться въ Литву. Юрьевичъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ сильно колеблется, и потому на совѣтѣ съ Иваномъ Можайскимъ и владыками, изъ которыхъ Іова постоянно напоминалъ Шемякѣ о коварномъ поступкѣ его съ дѣтьми Василія, рѣшился освободить царственнаго узника и дать ему удѣлъ [113]).

---

113) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 125—126 (о взятіи въ плѣнъ Василія подъ 6955 г.); 213; V, 268—269; VI, 173—176, 277; VIII, 115, 117—119; Ник. V, 202—209; *Соловьевъ.* «Ист. Рос.» IV, 70.

Въ 1447 году, въ сопровожденіи епископовъ, игуменовъ и пресвитеровъ, Шемяка поѣхалъ въ Угличъ. Освобожденный Василій, присягнувъ Димитрію Юрьевичу, отъ котораго получилъ въ удѣлъ Вологду, далъ проклятыя (клятвенныя) грамоты— не искать подъ Шемякой великаго княженія. Въ заключеніе Юрьевичъ далъ Василію прощальный пиръ, одарилъ его и его семейство и отпустилъ въ Вологду. Кажется, Василій и его приверженцы только и ждали этой свободы, чтобы возвратить великокняжескій столъ. По крайней мѣрѣ, послѣдующія обстоятельства и нѣкоторые на этотъ счетъ намеки лѣтописей утверждаютъ насъ въ этомъ предположеніи, особенно по отношенію къ самому Василію; приверженцы же послѣдняго еще раньше хлопотали объ освобожденіи его. Говоря о томъ, что Василій, не долго побывши въ данной ему Вологдѣ, надумалъ отправиться на богомолье въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, лѣтописецъ такъ иллюстрируетъ это желаніе Василія: *„творяся* тамо супцую братію накормити и милостыню дати". Для успокоенія столько же своей, сколько и народной совѣсти, Василію нужно было, такъ сказать, санкціонировать клятвопреступленіе, такъ какъ онъ хотѣлъ избавиться отъ бремени данныхъ имъ Шемякѣ проклятыхъ грамотъ. Кирилло Бѣлозерскій игуменъ Трифонъ успокоилъ его совѣсть, взявъ тотъ грѣхъ на себя и на монастырскую братію, вслѣдствіе чего на сторону Василія стало переходить множество народа. Василій снесся съ Тверскимъ княземъ Борисомъ, и послѣдній обѣщалъ дать ему помощь подъ условіемъ, чтобы сынъ Василія Иванъ женился на его дочери. Изъ Твери Василій Васильевичъ пошелъ къ Москвѣ. Шемяка съ Иваномъ Можайскимъ вышелъ на встрѣчу своему сопернику къ Волоку, а Москва, въ его отсутствіе, занята была боярином Василія—Михаиломъ Борисовичемъ Плещеевымъ, который, подступивъ къ столицѣ въ ночь на Рождество Христово, воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что Никольскія ворота, послѣ проѣзда въ нихъ жены Василія Владиміровича (сына Храбраго) Ульяны къ заутренѣ, остались незапертыми и съ небольшимъ отрядомъ ворвался чрезъ эти ворота въ кремль. Приверженцы Шемяки были переловлены и ограблены, а граждане цѣловали крестъ Василію. Шемяка, видя что съ одной стороны на него идетъ Василій, съ другой—его приверженцы изъ Литвы; видя, наконецъ, что Москва взята, бѣжалъ въ Галичъ, потомъ—въ Чухлому, а отсюда, захвативъ съ собой Софью Витовтовну, пустился въ Каргополь. Преслѣдуя Шемяку, великій князь взялъ Угличъ, гдѣ къ нему присоедп-

нился приведшій изъ Литвы Василій Ярославичъ; вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ пришелъ въ Ярославль, откуда и отправилъ посла къ Шемякѣ съ предложеніемъ освободить Софью Витовтовну. Находя безполезнымъ держать при себѣ тетку, Шемяка отпустилъ ее съ боярином своимъ Сабуровымъ, который со всѣми товарищами своими добилъ челомъ великому князю о принятіи ихъ въ службу [114]).

Кажется, около этого времени Шемяка заключилъ договоръ съ князьями Суздальскими, Васильемъ и Ѳеодоромъ Юрьевичами, внуками Василія Кирдяпы. По занятіи великокняжескаго стола, Шемяка отдалъ главному пособнику и сообщнику своему, князю Ивану Можайскому, Суздаль [115]). По занятіи Москвы Василіемъ, Шемяка всетаки расчитывалъ опять занять великокняжескій столъ. По помянутому договору онъ обязался, *когда Богъ дастъ ему достать свою отчину, великое княженіе*, возвратить князьямъ Суздальскимъ Суздаль, отобравъ его у князя Можайскаго, также Нижній-Новгородъ, Городецъ и даже Вятку. Василій Юрьевичъ, по договору, становился по отношенію къ Шемякѣ сыномъ, а къ сыну Шемяки—братомъ равнымъ,—слѣдовательно, по смерти послѣдняго имѣлъ одинаковое право съ Шемячичемъ на великокняжескій столъ Суздальскіе князья выговорили себѣ право непосредственнаго сношенія съ ордой; обѣ стороны обязались безъ обоюднаго согласія

---

114) П. С. Р. Л. IV, 126, 131, 146; V, 269; VI, 176—178; VIII, 119—121; XV, 492—493; Ник. V, 210—213; Арханг. лѣт. 153. Въ Львовск. лѣт. III, 342 сказано, что великій князь далъ согласіе на бракъ сына своего съ Тверскою княжной «неволею», потому что Борисъ пригрозилъ ему: «а не женишь, то я выдамъ тебя *опять* (?) князю Димитрію». Тоже въ Архангел. лѣт и почти тоже въ «Лѣтоп., содерж. росс. ист. отъ $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ (изд. 1781 г.)». Трудно вѣрить этимъ извѣстіямъ: по другимъ лѣтописямъ и Татищеву, Василій началъ переговоры еще до прибытія въ Тверь. Причемъ же была бы тутъ угроза Бориса—выдать Василья Шемякѣ? Притомъ Василій такъ довѣрчиво въ данномъ случаѣ относился къ Борису, что можно заподозрить даже тѣ извѣстія, по которымъ Борисъ присталъ къ Шемякѣ, а тѣмъ болѣе извѣстіе 2-й и 4-й Новгор. лѣт. (т. III, 141; IV, 125) о томъ, что Борисъ участвовалъ въ ослѣпленіи Василія. Во всякомъ случаѣ, ни откуда не видно, чтобы Борисъ на дѣлѣ проявилъ сочувствіе стремленіямъ Шемяки.

115) Соловьевъ: «Ист. Росс.» IV, 75.

не сноситься съ Василіемъ Васильевичемъ. Въ остальныхъ пунктахъ этотъ договоръ почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ договоровъ этого рода [116]).

Выше мы сказали, что Василій Васильевичъ отправилъ посла къ Шемякѣ съ предложеніемъ—отпустить Софью Витовтовну, а самъ возвратился въ Москву 17 февраля 1448 года. Что же оставалось дѣлать Шемякѣ: или безпріютно скитаться, или примириться съ великимъ княземъ, хотя бы и наружно только? Шемяка, а съ нимъ и князь Можайскій, рѣшились на послѣднее. Они обратились къ посредничеству Михаила Андреевича, брата послѣдняго, и Василья Ярославича, находившихся въ хорошихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, и заключили съ ними, такъ сказать, въ счетъ будущаго договора съ великимъ княземъ, перемиріе: въ половинѣ іюня («уговѣвъ Петрова говѣнья недѣлю») они цѣловали къ меньшей братіи своей крестъ на томъ, что они будутъ бить челомъ великому князю, а послѣдній долженъ будетъ пожаловать ихъ—принять въ любовь и дать имъ отчины ихъ. Шемяка отказывался въ пользу великаго князя отъ Звенигорода и Вятки, отъ Углича, Ржева и Бѣжецкаго верха, а князь Можайскій—отъ Козельска, Алексина и Лисина. Кромѣ того, они обязывались помириться съ Борисомъ Тверскимъ, такъ какъ онъ былъ съ великимъ княземъ „одинъ человѣкъ“. Наконецъ, они должны были возвратить взятыя въ великокняжеской казнѣ договорныя грамоты, ярлыки и дефтери, возвратить полонъ и вообще все, награбленное ими у великаго князя, его жены и матери, а также

---

116) С. г. г. и д. I, № 62. Фраза этого договора: когда Богъ дастъ и пр. заставляетъ думать, что договоръ состоялся по занятіи Василіемъ Москвы. Изъ той же фразы можно было бы сдѣлать и другое предположеніе, что договоръ могъ быть заключенъ вскорѣ послѣ Суздальскаго боя, когда великій князь взятъ былъ въ плѣнъ и когда Шемяка видѣлъ возможность занять великокняжескій столъ. Но то обстоятельство, что Суздалемъ уже владѣлъ Иванъ Можайскій, который могъ получить его только по занятіи Юрьевичемъ Москвы, само собой указываетъ на то, что договоръ заключенъ по занятіи Василіемъ Москвы, за которымъ, конечно, долженъ былъ считаться и Суздаль. Но договоръ предрѣшаетъ будущее: если бы Шемякѣ опять пришлось занять Москву, то князь Можайскій опять взялъ бы Суздаль, какъ прежній владѣлецъ его. По Карамзину (V, 187), Шемяка отдалъ Суздаль князю Ивану, но *скоро* взялъ его назадъ и по договору уступилъ внукамъ Кирдяпы, но мы нигдѣ этого извѣстія не находимъ.

сдѣланныя на людей великаго князя кабалы. Мы видѣли уже, какъ нарушались подобныя обязательства нетолько по отношенію къ такимъ предметамъ, какъ полонъ, ярлыки и пр., но и по отношенію къ самимъ договаривающимся лицамъ, къ ихъ личной безопасности. Неудивительно, поэтому, что Шемяка и князь Можайскій выговариваютъ себѣ въ перемирной грамотѣ право не ѣздить лично къ великому князю, пока на Москвѣ не будетъ митрополита, духовная власть котораго представляла болѣе ручательствъ въ безопасности, чѣмъ договоры [117]).

Но Шемяка и послѣ мира не успокоился: вездѣ онъ заводилъ крамолы, стараясь поселить въ народѣ нерасположеніе къ великому князю; въ сношеніяхъ съ Новгородомъ называлъ себя великимъ княземъ; сносился съ прежнимъ союзникомъ своимъ, княземъ Иваномъ Можайскимъ, который, съ своей стороны, не старался даже и скрывать этого отъ великаго князя: его послы говорили Василію, что, если онъ не пожалуетъ Димитрія Юрьевича, то это будетъ значить, что онъ не жалуетъ его, князя Ивана. Кажется, Шемяка просилъ у великаго князя чрезъ Ивана Можайскаго возврата потерянныхъ имъ волостей. Вятку Василій Васильевичъ, какъ мы видѣли, оставилъ за собой, а между тѣмъ Юрьевичъ возбуждалъ тамошнее населеніе противъ Москвы. По договору онъ не долженъ былъ сноситься съ ордой, долженъ былъ доставлять великому князю ордынскій выходъ, возвратить все награбленное у великаго князя и другихъ членовъ его семейства, не препятствовать переходу отъ одного князя къ другому боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ вольнымъ, т. е. не лишать ихъ, при переходѣ, отчинъ ихъ, но ни одного изъ этихъ условій договора Шемяка не соблюдалъ. Наконецъ, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего, онъ держалъ тамъ своего тіуна Ватазина, къ которому посылалъ грамоты, а въ грамотахъ тѣхъ (которыя были перехвачены и доставлены великому князю) онъ приказывалъ Ватазину отклонять гражданъ отъ великаго князя. Послѣдній отдалъ это дѣло на судъ духовенства. Ростовскій, Суздальскій, Рязанскій, Коломенскій и Пермскій владыки отправили къ Шемякѣ въ высшей степени искусно для того времени составленное, убѣдительное и краснорѣчивое, но грозное посланіе. Между прочимъ они указывали въ немъ Шемякѣ на примѣръ его отца, который какъ ни старался, „а княженія великаго никако же не досягъ,

---

117) С. г. г. и д. I, № 67.

что ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начяльства пошлиною". Правда, и Юрій, по словамъ владыкъ, добился великокняжескаго стола, но сколько посидѣлъ на немъ? Въ заключеніе пастыри церкви заявляли, что они, по своему долгу, били за Шемяку челомъ великому князю, который, вслѣдствіе того, изъявилъ согласіе на примиреніе и назначилъ срокъ для исполненія статей договора. Если Шемяка не исполнитъ послѣдняго, то пастыри отлучатъ его отъ церкви Божіей, предавъ проклятію [118]).

Но несмотря на всю убѣдительность посланія и угрозы пастырей объ отлученіи отъ церкви, Шемяка не смирился, и Василій Васильевичъ долженъ былъ прибѣгнуть къ оружію. Онъ выступилъ въ походъ къ Галичу. Великій князь стоялъ еще въ Костромѣ, какъ Шемяка, не испугавшійся передъ тѣмъ церковнаго проклятія, теперь „убоявся, начатъ миру прошати, и крестъ на томъ цѣловалъ и грамоты на себя проклятые далъ: не хотѣть никоего лиха великому князю, его дѣтямъ и всему великому княженію". Великій князь далъ миръ Шемякѣ и на Ѳоминой недѣлѣ возвратился въ Москву [119]).

Въ концѣ 1448 года митрополитъ окружнымъ посланіемъ увѣдомилъ свою паству о примиреніи великаго князя съ Шемякой, не однажды измѣнявшимъ крестному цѣлованію. Тѣмъ не менѣе весной 1449 года Шемяка „преступилъ крестное цѣлованіе и проклятые грамоты на себе": на Свѣтлое Воскресенье онъ подступилъ къ Костромѣ со многою силой, долго бился подъ городомъ съ великокняжескими ратными людьми, но взять его не могъ, потому что въ Костромѣ была сильная застава (гарнизонъ): князь Иванъ Васильевичъ Стрига и Ѳеодоръ Басенокъ, а съ ними много дѣтей боярскихъ—дворъ великаго князя. Вскорѣ въ походъ выступилъ самъ великій князь, котораго сопровождали: митрополитъ, епископы, нѣкоторые князья («братія его») и татарскіе царевичи. Подошедши къ Волгѣ, Василій отпустилъ впередъ „братію свою" и царевичей; они дошли до села Рудина, близъ Ярославля, куда прибылъ потомъ и самъ великій князь. Шемяка переправился на ту сторону Волги, гдѣ остановились московскія войска, „и вмалѣ не бысть

---

118) Акты ист. I, № 40.

119) П. С. Р. Л. VI, 178; VIII, 121; Ник. V, 214.

120) Акты ист. I, № 34; П. С. Р. Л. IV, 131, 146; V, 269; Ник. V, 215.

межи има кровопролитія». Битвы не произошло, можетъ быть, потому, что князь Иванъ Можайскій, бывшій съ Шемякой, помирился съ великимъ княземъ, получивъ отъ него Бѣжецкій верхъ, который еще въ 1447 г. данъ былъ ему, но потомъ отобранъ отъ него, конечно, вслѣдствіе его крамолъ. Шемяка вынужденъ былъ уйдти въ Галичъ [120]).

Несмотря, однако, на послѣднія свои неудачи, Шемяка всетаки не хотѣлъ еще отказаться отъ своихъ мечтаній на счетъ великокняжескаго стола и, какъ видно, готовился къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ 1450 году, по нѣкоторымъ, отчасти подтверждаемымъ и лѣтописями, свѣдѣніямъ [121]), въ Рождественскіе праздники, Шемяка напалъ на Вологду, городъ, который, какъ сказано въ житіи преподобнаго Григорія Пельшемскаго, откуда мы почерпаемъ это извѣстіе, „не силенъ тогда бяше людьми.... и воеводы тогда не бяше въ немъ“. Юрьевичъ свирѣпствовалъ здѣсь, какъ звѣрь. Услыхавши объ этомъ, преподобный Григорій пришелъ въ Вологду и началъ обличать Шемяку въ пролитіи невинной крови; Шемяка разсвирѣпѣлъ и приказалъ столкнуть преподобнаго съ моста въ городской ровъ. Григорій всталъ невредимымъ и опять продолжалъ свою обличительную рѣчь. Тогда Шемяка, удрученный какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, ушелъ обратно въ Галичъ. Въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ находимъ извѣстіе, что великій князь пошелъ на Димитрія Шемяку къ Галичу; но, узнавши, что послѣдній пошелъ къ Вологдѣ, Василій и самъ направился къ этому городу. Когда онъ былъ у Николы на Обнорѣ, къ нему пришло извѣстіе, что Шемяка воротился въ Галичъ, куда пошелъ и великій князь. Шемяка расположился около города на горѣ; самый городъ былъ укрѣпленъ и снабженъ пушками. Василій послалъ впередъ бывшихъ съ нимъ князей и воеводъ подъ начальствомъ большаго воеводы князя Василія Оболенскаго; за ними шли и татарскіе подручные Москвѣ царевичи со всѣми ихъ князьями. Московскія рати подошли къ Галичу 27 января и оврагами, со стороны озера, стараясь не быть замѣченными, они направлялись къ крутой, трудной для подъема, горѣ, на

---

121) Прологъ и мѣсяцесловъ сент. 30; *Амвросія* «Ист. Росс. Іер.» V, 21—23; *Щекатова* «Геогр. слов.» III, 1191; «Нашествіе Шемяки на Вологду...» въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1843, № 28. Григорій названъ Пельшемскимъ по р. Пельшмѣ въ 37 верст. на сѣверъ отъ Вологды; на этой рѣкѣ онъ основалъ общежительный монастырь во имя Собора Богоматери.

которой, не трогаясь съ мѣста, стоялъ съ своими полками Шемяка. Какъ только Москвичи стали подниматься на гору, съ городскихъ стѣнъ загудѣли тюфяки, пищали и самострѣлы. «Но ни во что же бысть се имъ»! Множество Галичанъ Москвичи положили на мѣстѣ, пѣшая рать Шемяки едва не вся была истреблена; лучшихъ людей брали живьемъ; самъ Шемяка едва спасся бѣгствомъ, а городъ затворился. Василій подошелъ къ Галичу, и городъ сдался ему. «Градъ омиривъ и намѣстники своя посажавъ по всей отчинѣ той», великій князь пошелъ въ обратный путь и прибылъ въ Москву на масляной недѣлѣ, между тѣмъ какъ Шемяка пробрался въ Новгородъ [122]).

Года два послѣ этой битвы о Шемякѣ ничего не было слышно. Но зимой 1452 года Василій Васильевичъ получилъ вѣсть, что Юрьевичъ идетъ къ Устюгу. Отпраздновавши Рождественскіе праздники въ Москвѣ, 1-го января Василій выступилъ съ войскомъ къ Ярославлю, откуда послалъ противъ Шемяки на р. Кокшенгу (впадающую въ Вагу) сына своего Ивана, а самъ продолжалъ путь на Кострому. Отсюда онъ послалъ на помощь сыну своему царевича Ягуба, а еще ранѣе того отправилъ къ Устюгу князя Василія Ярославича Боровскаго, князя Семена Ивановича Оболенскаго и Ѳеодора Басенка. Шемяка, пожегши Устюжскій посадъ, бѣжалъ отъ приближавшихся Московскихъ полковъ. Такъ какъ на Кокшенгу уже посланы были войска, то Юрьевичъ, не будучи въ состояніи удержаться здѣсь, опять бѣжалъ въ Новгородъ [123]).

Митрополитъ Іона писалъ Новгородскому владыкѣ Евѳиміо о томъ, чтобы онъ убѣдилъ Шемяку покориться великому князю, который, съ своей стороны, готовъ простить Юрьевича.

---

122) П. С. Р. Л. IV, 131; V, 270; VI, 178—180; VIII, 122—123; Ник. V, 216—217; въ V, 269 и XV, 494—подъ 6957 годомъ. Воевода князь Оболенскій въ Софійской второй лѣтописи названъ Васильемъ Васильевичемъ, а въ Никон.—Васильемъ Ивановичемъ.

123) Ibid. VI, 179—180; VIII, 125; Ник. V 221. Карамзинъ и Соловьевъ передаютъ разсказъ такъ, какъ будто Шемяка въ томъ же 1450 году овладѣлъ Устюгомъ и свободно проживалъ тамъ по тому, что великій князь отвлеченъ былъ въ другую сторону. Но изъ приведенныхъ лѣтописей видно только, что Шемяка пошелъ на Устюгъ въ 1450 году и что Василій въ томъ же году самъ выступилъ противъ него, и случилось то, что разсказано нами въ текстѣ.

Новгородцы, въ свою очередь, просили митрополита бить челомъ великому князю, чтобы онъ далъ опасныя грамоты для ихъ пословъ. Просьба ихъ была принята съ тѣмъ, чтобы они отправили въ Москву своихъ пословъ по своимъ дѣламъ, а Шемяка прислалъ бы своего посла съ раскаяніемъ въ своихъ крамолахъ. Юрьевичъ дѣйствительно прислалъ боярина, но съ такими предложеніями, на которыя въ Москвѣ никакъ не могли согласиться. Митрополитъ жаловался Новгородскому владыкѣ, что Шемяка присылаетъ свои грамоты „съ великою высостію“, между тѣмъ какъ о раскаяніи въ своей винѣ ничего не говоритъ. Владыка Евѳимій оправдывалъ Новгородское гостепріимство, оказанное Шемякѣ, старымъ обычаемъ, а митрополитъ доказывалъ, что въ Новгородъ ни одинъ князь не пріѣзжалъ съ такимъ бременемъ преступленій, какъ Шемяка. Эта переписка владыкъ не привела ни къ чему. Но скоро дѣло само собой разрѣшилось. Іюня 23-го 1453 года, на день мучениковъ Бориса и Глѣба, великій князь слушалъ вечерню въ Борисоглѣбской церкви, что нынѣ у Арбатскихъ воротъ. Въ эту пору въ Москву пригналъ изъ Новгорода подъячій Василій Бѣда съ извѣстіемъ, что Димитрій Юрьевичъ 17 іюня (по другимъ—18) скончался и погребенъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Великій князь такъ обрадовался этому извѣстію, что пожаловалъ гонца чиномъ выше: „и бысть оттолѣ дьякъ Василій Бѣда“. Есть основаніе думать, что Василій Васильевичъ былъ не безгрѣшенъ въ смерти Юрьевича: передавая о кончинѣ послѣдняго, однѣ изъ лѣтописей говорятъ, что онъ умеръ „напрасно“ (неестественною смертію); другія прямо передаютъ, что онъ умеръ отъ отравы; есть даже извѣстіе, что изъ Москвы въ Новгородъ посланъ былъ дьякъ Степанъ Бородатый, извѣстный въ то время знатокъ лѣтописей, который подговорилъ боярина Шемякѣ, Ивана Котова, а послѣдній—княжескаго повара дать Шемякѣ въ чемъ нибудь отраву. Поваръ подалъ къ обѣду напитанную ядомъ курицу, поѣвши которой Шемяка вскорѣ и скончался[124]).

---

124) Акты ист. I, № 53; Акты Арх. Экп. I, № 372; П. С. Р. Л. III, 141; IV, 126, 132, 215; V, 31, 271; VI, 180; VII, 226; Ник. V, 278; см. также статью Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, указанную въ 121 прим. Въ Тверской лѣт., стр. 495, совершенно особнякомъ стоитъ подъ 6961 годомъ извѣстіе о томъ, что Шемяка нападалъ 10 сентября на Кашинъ. Въ другихъ лѣтописяхъ ничего подобнаго не находимъ.

Димитрій Юрьевичъ, какъ мы видѣли, еще въ 1436 году собирался жениться на дочери Димитрія Васильевича, князя Заозерскаго, которую нѣкоторыя родословныя называютъ Софіей. Въ помянутомъ году, какъ было уже сказано выше, онъ пріѣзжалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу, но былъ схваченъ, по приказанію Василія Васильевича, и въ оковахъ отправленъ въ Коломну. Кромѣ этого извѣстія, лѣтописи ничего не говорятъ о его семейныхъ дѣлахъ. Онъ имѣлъ, кажется, единственнаго сына, Ивана Шемячича, который въ первый разъ упоминается (въ 1446 году?) въ договорной грамотѣ отца своего съ Василіемъ и Ѳеодоромъ Юрьевичами Суздальскими. На другой годъ по смерти отца (въ 1454 году) онъ вмѣстѣ съ матерью переѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ, гдѣ его приняли съ честію и подарили ему 20 рублей. Проживши во Псковѣ три недѣли, 1-го мая того же года онъ отъѣхалъ въ Литву, гдѣ получилъ отъ короля Казиміра въ кормленіе Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Родословныя даютъ Ивану Димитріевичу четырехъ сыновей: Семена, Владиміра, Ивана и Василія Шемячичей, изъ которыхъ, по нашимъ лѣтописямъ, болѣе извѣстенъ послѣдній. Онъ, вслѣдствіе поднятаго въ Литвѣ гоненія на православныхъ, обратился къ великому князю Московскому съ просьбой о принятіи его въ подданство вмѣстѣ съ вотчинами и въ 1500 году былъ принятъ Иваномъ III Васильевичемъ, при преемникѣ котораго умеръ въ заточеніи, въ 1529 году [125]).

Андрей Васильевичъ *Горяй*.

р. 1446 † 1494.

Послѣ бѣгства Шемяки, въ 1448 году, великій князь Василій Васильевичъ держалъ Угличъ за собой до самой своей смерти, то есть до 1462 года, когда онъ назначилъ этотъ удѣлъ четвертому изъ семи сыновей своихъ, Андрею.

Андрей Васильевичъ родился въ Угличѣ (куда отецъ его сосланъ былъ въ заточеніе Шемякой) въ августѣ 1446 года [126]).

---

125) П. С. Р. Л. III, 199; IV, 215—216, 272; V, 31; VI, 45, 266, 281; VIII, 239, 270; Ник. V, 120, 161, 229.

126) П. С. Р. Л. IV, 126 (подъ 6955 г.); V, 39, 268—269; VI, 176; 277; VIII, 119; Ник. V, 209. Василій Васильевичъ въ 1442 году выступилъ къ Угличу противъ Шемяки, но послѣдній бѣ-

По смерти отца, въ 1462 году, въ силу его духовнаго завѣщанія, Андрей Васильевичъ получилъ въ удѣлъ Угличъ съ Устюжной, Рожаловымъ, Велетовымъ и Кистьмой, Бѣжецкій верхъ и Звенигородъ, а съ 1481 года къ его удѣлу, по договору съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, присоединенъ былъ еще и Можайскъ [127]).

Почти во всѣхъ важнѣйшихъ походахъ Ивана III—па Казань, Рязань и на Новгородъ принималъ участіе и Андрей Васильевичъ Угличскій, помогавшій, такимъ образомъ, брату въ дѣлѣ сліянія удѣловъ съ Москвою.

Наилучшія отношенія между великимъ княземъ и братомъ

жалъ; въ томъ же году враждовавшіе князья примирились. Въ 1447 году, когда великій князь освободился изъ татарскаго плѣна и вскорѣ опять отнялъ Москву у Шемяки, послѣдній въ слѣдующемъ году, при посредствѣ князя Василія Ярославича Боровскаго, вступилъ въ мирные переговоры съ великимъ княземъ. По заключенному въ 1448 году договору, Шемяка отступился отъ Звенигорода, Вятки, *Углича*, Ржева и Бѣжецкаго верха (С. г. гр. и д. № 67). По послѣдующимъ договорамъ (№№ 71—74, 78—79) мы видимъ, что Угличъ былъ за великимъ княземъ. Затѣмъ Угличъ упомянутъ уже въ духовной грамотѣ Василія Васильевича (№ 86—87), который отдалъ этотъ городъ сыну своему Андрею большому.—Андрей Васильевичъ, по однимъ извѣстіямъ (т. V), родился 14 или 19 августа, по другимъ (т. VI)—3-го по третьимъ (т. VIII)—13-го. *Горяемъ* онъ названъ во 2-й Псковской лѣтописи (т. V, 39).—Помѣщаемъ здѣсь лѣтописныя извѣстія объ Андреѣ Васильевичѣ до 6976 года: 18 января 1456 года онъ вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и братьями присутствуетъ при церковной церемоніи по случаю отпуска Смоленской иконы Божіей Матери въ Смоленскъ (П. С. Р. Л. VIII, 145; Ник. V, 280); въ концѣ зимы 1460 года, предъ великимъ постомъ, онъ вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ Юріемъ ѣздилъ въ Новгородъ, откуда возвратился въ Москву въ началѣ марта (ibid. IV, 127 подъ 6969 годомъ; 219; V, 33 тоже подъ 6969 годомъ; VI, 182, 321; VIII, 148; Ник. V, 285); наконецъ, въ 1462 году князь Андрей Васильевичъ присутствовалъ при погребеніи отца (ibid. V, 273; VI, 277).

127) С. г. г. и д. I, №№ 86—87, 106—109; П. С. Р. Л. IV, 148; V, 274; VI, 185, 277; VIII, 150; Ник. V, 290. Въ VI, I ошибочно сказано: «а князя Василіа большаго благословилъ» (великій князь Василій Васильевичъ) вмѣсто «а князя Андрея большаго» и т. д.

Андреемъ Угличскимъ продолжались до 12 сентября 1473 г. [128]), когда послѣдовала смерть Юрія Васильевича, которая и нарушила мирныя отношенія между братьями.

Юрій Васильевичъ не былъ женатъ, а потому удѣлъ его послѣ его смерти становился выморочнымъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ надѣлилъ селами и нѣкоторыми вещами изъ движимаго имущества мать, братьевъ и сестру, бывшую за великимъ княземъ Рязанскимъ, но не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно городовъ своихъ: Дмитрова, Можайска и Серпухова. Вѣроятно, онъ, не надѣясь на то, что такимъ или другимъ раздѣломъ названныхъ городовъ удовлетворитъ великаго князя, не хотѣлъ ссорить между собою братьевъ и указаннымъ пробѣломъ въ завѣщаніи предоставлялъ дѣлежъ названныхъ городовъ полюбовной сдѣлкѣ между братьями. Великій князь Иванъ Васильевичъ ясно и отчетливо сознавалъ, что сила и стойкость государства зависятъ отъ сосредоточенія власти надъ всей Русью въ однѣхъ рукахъ, присвоилъ удѣлъ Юрія себѣ и договорами заставилъ братьевъ, Андрея Угличскаго и Бориса Волоцкаго, признать выморочный удѣлъ собственностью его, великаго князя, его сына-соправителя Ивана Ивановича и всѣхъ дѣтей, которыхъ ему Богъ дастъ [129]). Борисъ и Андрей разгнѣвались на старшаго брата, но до крайностей на этотъ разъ дѣло не дошло: при посредствѣ матери, они примирились, и великій князь далъ Борису Вышгородъ, взятый имъ у Михаила Верейскаго, и Шопкову слободу, Андрею меньшему—Тарусу; Андрея же Угличскаго, можетъ быть, какъ болѣе сильно проявлявшаго свое негодованіе, не надѣлилъ ничѣмъ. Но мать, любившая Андрея Угличскаго болѣе, чѣмъ остальныхъ дѣтей, дала ему свой городъ Романовъ. Это было уже въ 1474 году, лѣтомъ [130]).

Итакъ, братья примирились и жили въ согласіи почти до конца 1477 года. Въ этомъ послѣднемъ году великій князь

---

128) С. г. г. и д. IV, 151; VI, 32, 195; VIII, 175; Ник. VI, 45, 48. Въ томъ же году Андрей Васильевичъ присутствовалъ при бракосочетаніи великаго князя съ Софьей Ѳоминичной, а въ началѣ апрѣля вызванъ былъ великимъ княземъ въ Москву по случаю кончины митрополита Филиппа. Ibid. VIII, 176, 178; Ник. VI, 50, 54.

129) Ibid. I, №№ 96, 97 и 99. Договоръ съ Андреемъ относятъ къ 14 сентября 1473 года, а съ Борисомъ—къ 13 февраля того же года.

130) П. С. Р. Л. IV, 148; VIII, 180.

предпринялъ извѣстный походъ на Новгородъ. Въ этомъ походѣ опять принималъ участіе, вмѣстѣ съ другими братьями, и Андрей Угличскій. Ноября 19-го на станѣ Полянахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, великій князь урядилъ полки. Андрею Васильевичу большому назначено было идти въ правомъ крылѣ. Когда войска стянулись къ Новгороду, Андрею Угличскому (онъ подошелъ къ Новгороду 3 декабря) назначено было стать въ Воскресенскомъ монастырѣ на Деревяницѣ. Декабря 5 къ великому князю, когда у него находились и всѣ братья его, пришелъ владыка съ посадниками и житьими людьми для переговоровъ. Вообще замѣтимъ, что переговоры тянулись мѣсяца полтора, и только 20 января великій князь послалъ въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Новгорода, а чрезъ девять дней самъ въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ братьями, слушалъ литургію, послѣ которой пригласилъ къ себѣ на обѣдъ владыку и другихъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ. На обѣдѣ присутствовали и великокняжескіе братья [131]).

Этотъ походъ на Новгородъ возбудилъ въ братьяхъ великаго князя неудовольствіе, такъ какъ послѣдній ничѣмъ не наградилъ ихъ за походъ, между тѣмъ какъ все вновь пріобрѣтенное при ихъ помощи присвоилъ себѣ. Но младшіе братья не могли явно выражать это неудовольствіе по тому, что обязаны были помогать великому князю по договорамъ. Случай къ ссорѣ представился съ другой стороны. Ссора вышла, въ 1479 году, изъ-за Великолуцкаго намѣстника, князя Ивана Оболенскаго-Лыка, у котораго великій князь, по жалобѣ жителей Великихъ Лукъ, отнялъ намѣстничество. Лыко оскорбился и отъѣхалъ отъ великаго князя къ брату его, Борису Волоцкому. Незаконнаго въ поступкѣ Оболенскаго не было ничего, такъ какъ въ то время бояре сохраняли еще право отъѣзда отъ одного князя къ другому. Но Иванъ Васильевичъ сильно опалился на бывшаго Великолуцкаго намѣстника и послалъ въ Волокъ схватить его. Борисъ Васильевичъ не допустилъ этого; великій князь требовалъ выдачи Лыка, но Борисъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда, по приказу Ивана Васильевича, Оболенскій взятъ былъ тайно, хитростью, и въ оковахъ отправленъ въ Москву. Борисъ возмутился такимъ поступкомъ старшаго брата и привлекъ на свою сторону Андрея Угличскаго, которому

---

131) П. С. Р. Л. VI, 209, 213, 220; VIII, 184 187, 191, 192, 198; Ник. VI, 75 и сл.

выставилъ на видъ совершенное неуваженіе старшимъ братомъ правъ младшихъ братьевъ. Борисъ и Андрей рѣшились, повидимому, силою оружія поддержать свои права. Они вышли съ своими семействами и людьми изъ удѣловъ своихъ и направились къ Литовской границѣ, не слушая убѣжденій великаго князя—возвратиться въ свои отчины. Когда братья пришли въ Новгородскую землю, сюда пріѣзжалъ и безуспѣшно увѣщавалъ ихъ примириться съ великимъ княземъ Ростовскій владыка Вассіанъ. Остановившись въ Великихъ Лукахъ, они обратились къ содѣйствію и посредничеству Казиміра, который, обрадовавшись такому случаю, далъ семействамъ братьевъ городъ Витебскъ въ кормленіе. Напрасны были увѣщанія великаго князя, опять чрезъ Ростовскаго владыку и бояръ, напрасно Иванъ Васильевичъ предлагалъ Андрею, къ его наслѣдственному удѣлу, Алексинъ и Калугу: братья не хотѣли на этомъ мириться. Вскорѣ, однако, почему-то ужъ сами младшіе братья вступили въ переговоры со старшимъ, но теперь послѣдній отвергъ, въ свою очередь, ихъ предложенія. Въ это время Псковичи, находившіеся во враждѣ съ нѣмцами, надумали выставить противъ нихъ силы братьевъ великаго князя и пригласили ихъ къ себѣ съ этою цѣлію чрезъ посадника Дороѳея Гавриловича. Братья прибыли въ Псковъ, пробыли тамъ десять дней, но на нѣмцевъ не хотѣли идти, пока семьи ихъ не были приняты въ Псковѣ, на что Псковичи не могли согласиться, опасаясь мести великаго князя. По выходѣ изъ Пскова, войска, распущенныя братьями, начали грабить окрестныя селенія. Чтобы избавиться отъ разоренія, Псковичи дали князьямъ-братьямъ отъ себя 200 рублей, а околицы—15, и братья отошли въ Новгородскую землю [132]). Между тѣмъ нашествіе Ахмата навело страхъ на Москву и великаго князя. Въ это время Андрей и Борисъ присылали сказать старшему брату, что, если онъ не будетъ притѣснять ихъ, то они придутъ къ нему на помощь. Когда Иванъ Васильевичъ возвратился изъ Коломны

---

132) П. С. Р. Л. IV, 134, 152—154; 265; V, 39—41; VI, 19—20, 222—224, 231, 278; VII, 231; VIII, 204—206; Ник. VI, 109—115; Архангел. 186—187; С. г. г. и д. I, №№ 110, 111. Нѣкоторыя лѣтописи начинаютъ эти событія съ 6987 года, а оканчиваютъ 6988 годомъ. Другія же начинаютъ годомъ позже, но годомъ позже и заканчиваютъ (это замѣчаніе относится и къ слѣдующему примѣчанію).

въ Москву, его мать, митрополитъ Геронтій, владыка Вассіанъ, владыка Пермскій Филоѳей, Троицкій игуменъ Паисій и князь Верейскій Михаилъ Андреевичъ ходатайствовали предъ великимъ княземъ за его младшихъ братьевъ. На этотъ разъ, при столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Иванъ Васильевичъ смягчился, онъ обѣщалъ исполнить просьбу братьевъ, и послѣдніе пришли къ нему, когда онъ уже возвратился изъ Москвы къ войскамъ и стоялъ въ Каменцѣ. Послѣ того, какъ Ахматъ, 11 ноября 1480 года, бѣжалъ отъ Угры, отрядъ татаръ, съ однимъ изъ татарскихъ царевичей во главѣ, хотѣлъ, по выраженію лѣтописи, «за рѣкою (Окою) имать украйну,» но великій князь выслалъ на нихъ двоихъ изъ братьевъ своихъ, двухъ Андреевъ, и татары отъ нихъ бѣжали [133]).

Братья возвратились въ Москву, и 2 февраля 1481 года между великимъ княземъ и Андреемъ Угличскимъ заключенъ былъ договоръ, сходный съ договоромъ 14 сентября 1473 года. Въ договорѣ 1481 года новаго есть только условіе о пожалованіи великимъ княземъ Андрею Можайска съ волостями и селами въ удѣлъ и въ вотчину [134]).

Все, что до сихъ поръ поселяло между великимъ княземъ и его младшими братьями несогласіе и явную вражду, должно было ясно говорить младшимъ членамъ великокняжеской семьи, силою вещей поставленнымъ въ новыя междуродственныя и правопаслѣдственныя отношенія, что права ихъ стѣсняются, что рано или поздно они должны будутъ лишиться этихъ правъ. Андрей, конечно, понималъ это ... Но до 1488 года лѣтописи ничего не сообщаютъ объ отношеніяхъ его къ великому князю; отмѣчаютъ только смерть его супруги, Елены, подъ 1483 годомъ [135]) и говорятъ, что онъ принималъ участіе, въ 1485 году, въ походѣ на Тверь и во взятіи ея [136]).

Конечно, преслѣдуя цѣли, говоря современнымъ языкомъ, государственной централизаціи, Иванъ Васильевичъ новыя

---

133) П. С. Р. Л. IV, 134, 153—154; VI, 20—21, 35, 223—224; 278; VIII, 205—207; Архангел. 186—187; Ник. VI, 112—114.

134) С. г. г. и д. I №№ 106—109; П. С. Р. Л. IV, 154, VI, 21, 232 (подъ 6988 годомъ), 278; VIII, 213; Ник. VI, 115

135) С. г. г. и д. IV, 155; VI, 36, 235, 278; VIII, 214; Ник. VI, 117 († 2 апрѣля).

136) Ibid. IV, 135 (подъ 6994 г.), 156; VI, 237 (подъ 6993 г.), 278; VIII, 216 (подъ 6993—6994 гг.); XV, 500; Ник. VI, 120.

пріобрѣтенія, какъ Тверское княжество, долженъ былъ всецѣло оставить за собой. И вотъ, по уничтоженіи самаго сильнаго, послѣ Москвы, самостоятельнаго Тверскаго княжества, великій князь заключилъ, 30 ноября 1486 года, новый договоръ съ Андреемъ, какъ не задолго передъ тѣмъ заключилъ такой же договоръ съ Борисомъ Волоцкимъ. Въ этомъ договорѣ великій князь, повторяя условіе о невмѣшательствѣ младшихъ братьевъ въ удѣлъ Юрія, который, т. е. удѣлъ, долженъ быть за нимъ, великимъ княземъ, того же самаго требовалъ и относительно удѣла, принадлежавшаго Андрею меньшему, умершему въ 1481 году, вскорѣ послѣ бѣгства Ахмата изъ-подъ Алексина, и отказавшему, съ условіемъ уплаты долговъ его Ордѣ, весь свой удѣлъ старшему брату, великому князю; кромѣ того, послѣдній требовалъ также невмѣшательства во вновь сдѣланныя имъ пріобрѣтенія—Тверь и Кашинъ, а также въ Верейскій удѣлъ и въ Новгородскую и Псковскую земли [137]).

Все это, повторяемъ, должно было показывать Андрею Угличскому, что—особенно по смерти матери его (†1484), нѣсколько сдерживавшей своихъ сыновей—ему не ужиться съ братомъ, великимъ княземъ, а главное—придется лишиться удѣла. Что Андрей Васильевичъ предчувствовалъ это и безпокоился о томъ, на то указываютъ послѣдующія событія.

Въ 1488 году „скоромоли“, по характерному выраженію лѣтописи, кн. Андрею Угличскому его же боярин Образецъ, что великій князь хочетъ арестовать Андрея Васильевича. Послѣдній хотѣлъ тайно бѣжать изъ Москвы, но, одумавшись, послалъ къ кн. Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, бывшему тогда въ силѣ при великокняжескомъ дворѣ, „веля явити то великому князю“, почему онъ, т. е. великій князь, хочетъ задержать его, Андрея?.. Такъ какъ кн. Патрикѣевъ не взялся за это щекотливое для него дѣло, то Андрей Васильевичъ самъ явился къ брату, великому князю, для объясненій по этому дѣлу. Великій князь разубѣдилъ своего младшаго брата въ его подозрѣніяхъ и наказалъ тѣхъ, которые посѣяли вражду между ними [138]). Обстоятельства этого дѣла заставляютъ думать, что

---

137) П. С. Р. Л. I, №№ 112. (Духовная грамота Андрея меньшаго), 123—126.

138) П. С. Р. Л. VI, 238; VIII, 217—218.

Иванъ Васильевичъ въ данную минуту не хотѣлъ предпринимать ничего рѣшительнаго противъ брата. Мы еще болѣе убѣдимся въ этомъ, когда обратимъ вниманіе на то, что до 1491 года между братьями не было никакой вражды,—по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нѣтъ на это никакихъ намековъ. Но въ 1491 году Андрей Васильевичъ самъ ускорилъ свой печальный конецъ. Въ этомъ году на Менгли-Гирея, Крымскаго хана, союзника Ивана Васильевича, выступили ордынскіе татары; великій князь долженъ былъ помочь своему союзнику: онъ выслалъ свои полки противъ ордынскихъ татаръ, приказалъ и братьямъ своимъ отправить ихъ полки съ воеводами для той же цѣли. Но Андрей Угличскій не исполнилъ воли великаго князя. Это было въ маѣ 1491 года. Великій князь на время затаилъ свой гнѣвъ, но въ сентябрѣ слѣдующаго 1492 года, когда Андрей пріѣхалъ въ Москву, Иванъ Васильевичъ рѣшился свои тайные планы относительно Андрея привести въ исполненіе. Когда Андрей Васильевичъ пришелъ къ великому князю, послѣдній принялъ его побратски. На слѣдующій день послѣ этого свиданія великій князь, чрезъ посла, пригласилъ брата на обѣдъ. Андрей Васильевичъ поѣхалъ поблагодарить брата за честь и опять принятъ былъ ласково: великій князь посидѣлъ и побесѣдовалъ съ нимъ въ комнатѣ, которая называлась „западней“, потомъ вышелъ по какому-то дѣлу, попросивъ брата подождать его. Боярамъ Андрея великій князь приказалъ идти въ столовую гридню, гдѣ они были схвачены и разведены по разнымъ мѣстамъ подъ крѣпкимъ присмотромъ. Послѣ того въ „западню“ къ Андрею вошелъ князь Семенъ Ряполовскій въ сопровожденіи другихъ князей и бояръ и со слезами сказалъ ему, что онъ поманъ Богомъ и государемъ великимъ княземъ. Андрей отведенъ былъ на казенный дворъ подъ крѣпкимъ присмотромъ многихъ князей и бояръ. Великій князь сложилъ къ нему крестное цѣлованіе, причемъ перечислены были всѣ вины его: что онъ „думалъ“ на старѣйшаго брата съ княземъ Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ (меньшимъ); приводилъ къ присягѣ стоять заодно противъ великаго князя; посылалъ грамоты къ королю Казиміру, „одинача с нимъ на великаго князя“; отъѣзжалъ вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ отъ него, великаго князя; ссылался съ ханомъ Аматомъ, подпимая его на Русь, и, наконецъ, не посылалъ своихъ полковъ на помощь Менгли-Гирею. Въ то же время Иванъ Васильевичъ распорядился и относительно Андреевыхъ дѣтей, Ивана и Димитрія: онъ послалъ въ Углич схватить ихъ и

отправить въ Переяславль, причемъ, впрочемъ, дочерей князя Андрея не приказано было трогать [139]).

Есть извѣстіе, что митрополитъ просилъ великаго князя объ освобожденіи Андрея, но Иванъ Васильевичъ въ отвѣтѣ на эту просьбу изложилъ всѣ крамолы брата и возможныя дурныя послѣдствія ихъ [140]).

Андрей Васильевичъ скончался, въ заточеніи, въ 1494 году, по однимъ извѣстіямъ—6 ноября, а по другимъ—октября 7 [141]).

Есть извѣстіе, что, узнавъ о смерти брата, Иванъ Васильевичъ сильно опечалился, тѣмъ не менѣе сыновей умершаго онъ всетаки не освободилъ и продолжалъ держать въ заточеніи [142]).

Князь Андрей Васильевичъ Угличскій, съ 27 мая 1470 года, былъ женатъ на Еленѣ, дочери Романа Андреевича, князя Мезецкаго, и вѣнчанъ былъ съ ней у «Пречистой» митрополитомъ Филиппомъ [143]). Отъ этого брака онъ имѣлъ двухъ сыновей—Ивана и Димитрія, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была за княземъ Андреемъ Димитріевичемъ Курбскимъ, воеводой Московскимъ, а другая—за Иваномъ Семеновичемъ, княземъ Кубенскимъ [144]).

О сыновьяхъ Андрея Васильевича извѣстно только, что они сосланы были въ заточеніе въ Переяславль-Залѣсскій, потомъ на Бѣлоозеро и, наконецъ, вскорѣ послѣ смерти отца, въ Вологду, въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Здѣсь Иванъ Андреевичъ, пареченный въ иночествѣ Игнатіемъ, скончался въ оковахъ

---

139) П. С. Р. Л. IV, 160; VI, 38—39, 238, 240; VII, 228; VIII, 223, 227; XV, 501; Ник. VI, 127—130; Архангел. 200. Въ томъ же 1491 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, весь Угличъ истребленъ былъ пожаромъ, который захватилъ и посадъ; за Волгой сгорѣло болѣе 500 дворовъ; однѣхъ церквей сгорѣло 15

140) Ист. Росс. С. М. Соловьева V, 74.

141) П. С. Р. Л. IV, 163, 268; VI, 39, 240; VIII, 227; XV, 501; Ник. VI, 138.

142) Продолж. Нест. 339.

143) П. С. Р. Л. VI, 190; VIII, 158; Ник. VI, 14, (26 мая); а по IV, 149; V, 274; VI, 278. Андрей Васильевичъ женился въ 6977 году. Елена Романовна скончалась въ 1483 году, апрѣля 2, и погребена въ кремлевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Ibid IV, 155; VI, 36, 235; VIII, 214; Ник. VI, 117.

144) См. біографію князя Семена Димитріевича Заозерско-Кубенскаго, прим. 1 (въ Яросл. Губ. Вѣд 1887 г., № 18)

схимникомъ, 19 мая 1523 года, и погребенъ въ Вологодскомъ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ. Православная церковь причла его къ лику святыхъ. Димитрій Андреевичъ пережилъ своего брата. Въ 1540 году, слѣдовательно послѣ почти полувѣковаго томленія, онъ получилъ облегченіе: приказано было „съ него тягость (оковы) спяти". Неизвѣстно, когда онъ скончался, а погребенъ онъ въ томъ же монастырѣ въ ногахъ у брата своего [145]). Само собою разумѣется, что оба эти князя женаты не были.

Очевидно, такимъ образомъ, что сыновей Андрея Васильевича нельзя считать удѣльными владѣтельными князьями, и если они и называются Угличскими, то только по рожденію или по происхожденію. Фактически въ 1492 году Угличъ перешелъ въ руки великаго князя и былъ за нимъ до 1505 года, когда, по его духовному завѣщанію, онъ вмѣстѣ съ другими городами перешелъ къ сыну Ивана Васильевича, Димитрію.

Димитрій Ивановичъ *Жилка*.

р. 1482 † 1521.

Димитрій Ивановичъ, по прозванію *Жилка*, родился въ октябрѣ (по однѣмъ лѣтописямъ—6-го, по другимъ—26-го) 1482 года [146]) Общественная дѣятельность его началась съ 18-го года его жизни. Въ самые послѣдніе годы XV ст. отношенія между Москвой и Литвой были самыя натянутыя, шелъ споръ

---

145) II. С. Р. Л. III, 198; IV, 160; VI, 39, 240; VIII, 4, 223; Ник. VI, 130; Пролог. и Чет. Мин. мая 19; Степ. кн. II, 158; Истор. и топогр. изв. о г. Вологдѣ, 52, 95; Энц лекс. Плюшара XII. 397; Кар. VIII, пр. 94. Здѣсь же отмѣтимъ извѣстіе Угличской лѣтописи, передаваемое *Кисселемъ* въ его «Исторіи города Углича», стр. 199 о томъ, будто бы Угличане, недовольные корыстолюбіемъ и притѣсненіями намѣстника, присланнаго, по заточеніи Андрея Васильевича, великимъ княземъ, составили заговоръ объ освобожденіи дѣтей Андрея, но Иванъ Васильевичъ предупредилъ ихъ, *разселивъ по другимъ городамъ многихъ Угличскихъ гражданъ* (курсивъ въ подлинникѣ).

146) II. С. Р. Л. IV, 155; VI, 35, 233; VIII, 213; Ник. VI, 116. Указатель къ П. С. Р. Л. и Родословная роспись Головина (№ 957) считаетъ Угличскимъ княземъ Димитрія Ивановича, но не сына Ивана III, а внука его, называя перваго просто княземъ.

о достояніи древней Руси, Кіева и Смоленска; къ этому присоединились и религіозныя преслѣдованія православныхъ въ Литовской Руси. Въ 1500 году, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Литовскій князь Александръ вооружился противъ тестя своего, великаго князя Московскаго, но послѣдній предупредилъ его,ославъ Димитрія Ивановича добывать Смоленскъ. Московская рать шла «въ силѣ велицѣ и зъ стрѣлбою огнистою и зъ дѣлами» (пушками). Впрочемъ, осада Смоленска была неудачна: осажденные крѣпко оборонялись и побили много Московичей. Димитрій Ивановичъ принужденъ былъ снять осаду, тѣмъ болѣе, что къ Смоленску шла Литовская помощь [147]) Года черезъ два, а именно 14 іюня 1502 года, великій князь опять послалъ Димитрія Ивановича на Смоленскъ. Въ этомъ походѣ принимали участіе князья: Ѳеодоръ Волоцкій, Иванъ Тарусскій, Бѣльскій, зять сестры Ивана Васильевича, Анны, Семенъ Стародубскій, Василій Рыльскій, внукъ Шемяки и многіе другіе. Димитрій Ивановичъ послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ, которые взяли Оршу, выжгли предмѣстье Витебска, опустошили край огнемъ до Полоцка и Мстиславля, но Смоленска не взяли, такъ какъ въ войскахъ Московскихъ сталъ чувствоваться сильный недостатокъ въ продовольствіи. По возвращеніи изъ этого похода въ Москву (23 октября), Димитрій Ивановичъ „пожаловашеся отцу своему: многіе—де—дѣти боярскіе подступали подъ градъ (Смоленскъ) и въ волости отъѣзжая грабили безъ его вѣдома, а его не послушаша“. Въ виду этой жалобы Димитрія, «князь великій воспалися на тѣхъ и многихъ повелѣ испоимати да казнити, по торгу водя кнутьемъ бити, а многихъ въ тюрму пометати“ [148]).

---

147) П. С. Р. Л. II, 362. Подъ тѣмъ же годомъ есть извѣстіе въ Новгородской второй лѣтописи (Ibid. III, 146-147), что Иванъ Васильевичъ и внукъ его, Димитрій Ивановичъ, посылали воеводъ своихъ на князя Литовскаго Александра и на всю Литовскую землю; что былъ бой у Смоленска и что Московскіе воеводы 14 іюня побили Литву. Очевидно, оба эти извѣстія относятся къ одному и тому же событію. Но такъ какъ они стоятъ уединенно и притомъ тутъ замѣшано 14 іюня (по Воскр.—іюля, какъ и по Никон.), день, въ который, по всѣмъ другимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Московскіе полки выступили въ походъ подъ Смоленскъ подъ предводительствомъ Димитрія Ивановича, въ 1502 году, то непозволительно ли думать, что эти два, уединенно стоящихъ извѣстія 1500 года, относятся къ тому же 1502 году?...

148) Ibid. VI, 48, 244; VIII, 242; Ник. VI, 168; Кар. VI, 196—197.

Въ 1505 году скончался великій князь Иванъ Васильевичъ По его духовному завѣщанію, третій изъ наличныхъ сыновей, Димитрій Ивановичъ, получилъ: Угличъ, Устюжну, половину Ржева, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ на Угрѣ и Мологу, въ которой онъ обязывался не увеличивать купеческихъ сборовъ съ тамошней ярмарки [149]).

Въ 1505 году, какъ извѣстно, Казанскій царь Магметъ-Аминь отложился отъ Москвы; Иванъ Васильевичъ не успѣлъ наказать дерзость Амиия: онъ скончался въ томъ же 1505 году. Сынъ и преемникъ его, Василій Ивановичъ, въ апрѣлѣ 1506 года послалъ на Казань брата своего, Димитрія Ивановича, и воеводъ съ судовой и сухопутной ратями. Судовая рать прибыла подъ Казань 22 мая и, по выраженію лѣтописи, „не осмотряся“ пѣшемъ пошла къ городу. День былъ чрезвычайно жаркій. Татары выступили изъ города на встрѣчу наступавшимъ, а конница незамѣтно наступала въ тылъ отъ мѣста высадки Московскаго войска. Русскіе проиграли битву: многіе были побиты, многіе попали въ плѣнъ и многіе потонули въ поганомъ озерѣ. Великій князь, узнавъ о пораженіи Московскихъ полковъ, немедленно послалъ къ Казани князя Василія Даниловича Холмскаго и другихъ воеводъ, а брату послалъ сказать, чтобы до прихода упомянутыхъ воеводъ не подступали къ городу. Но 22-го іюня подошла конница и Дмитрій Ивановичъ вновь подступилъ къ городу и на этотъ разъ удачно. Но за то вслѣдъ затѣмъ лѣтописи передаютъ странное явленіе, именно, что 25 іюня Димитрій Ивановичъ и воеводы побѣжали отъ города „никимъ же гоними“. Димитрій ушелъ въ Нижній Новгородъ, а другой отрядъ съ воеводой Ѳеодоромъ Киселевымъ и татарскимъ царевичемъ Джапалеемъ пошелъ къ Мурому. Высланная за бѣгущими татарская погоня нагнала Киселева и царевича, но послѣдніе дали ей отпоръ и благополучно пришли въ Муромъ [150]).

---

149) С. г. г. и д. I, № 144; П. С. Р. Л. VII, 239.

150) П. С. Р. Л. IV, 281 въ Варіантахъ; VI, 24, 51, 245; VIII, 246; Ник. VI, 175—176; въ IV, 282—подъ 7016 годомъ. Есть извѣстіе, что Казанцы, по случаю ярмарки, раскинули шатры на Арскомъ полѣ, пировали и веселились. На нихъ внезапно напали Московскія рати и произвели страшную рѣзню. Казань была бы взята, но побѣдители увлеклись: бросились грабить шатры, пировать въ нихъ и упились до-пьяна, чѣмъ и воспользовался Магметъ-Аминь, нечаянно напавъ на русскихъ и нанеся имъ рѣ-

Послѣ Казанскаго похода мы уже не видимъ, чтобы Димитрій Ивановичъ когда нибудь стоялъ во главѣ войскъ (можетъ быть, по тому, что великій князь недоволенъ былъ его дѣйствіями подъ Казанью), хотя знаемъ, что онъ участвовалъ въ первомъ походѣ на Смоленскъ, въ 1513 году, и въ Смоленскомъ же третьемъ походѣ 1514 года, когда ему приходилось стоять во главѣ сторожеваго полка въ Серпуховѣ [151]).

Послѣ 1514 года въ лѣтописяхъ уже не встрѣчается болѣе имя Димитрія Ивановича, хотя онъ и жилъ еще сравнительно довольно продолжительное время послѣ этого года, такъ какъ онъ скончался, холостымъ только, 14 февраля 1521 года [152]).

Князь Димитрій Ивановичъ Жилка былъ послѣднимъ Угличскимъ княземъ съ тѣнью правъ князя владѣтельнаго [153]). По

шительное пораженіе. См. *Соловьева* Истор. Росс. V, пр. 302, гдѣ указаны несообразности этого извѣстія и противорѣчія съ извѣстіями лѣтописей.

151) Карамз. VII, 34, 39 и соотвѣтственныя примѣчанія.

152) П. С. Р. Л. VI, 29, 263; VIII, 269.—Въ С. г. г. и д. ст. I подъ № 147 помѣщена «Духовная грамота князя Димитрія Ивановича» и пр., сына Ивана Ивановича Младаго. Какъ извѣстно, Иванъ III прочилъ его въ преемники себѣ, а потомъ лишилъ его титула великаго князя и, наконецъ же, этотъ же Димитрій дѣдомъ своимъ «посаженъ въ камень», въ 1502 году. При преемникѣ Ивана III положеніе его ухудшилось: онъ былъ закованъ и умеръ «въ нужѣ, въ тюрмѣ» 14 февраля 1509 г. При такомъ положеніи онъ не могъ имѣть надѣла и, слѣдовательно, не могъ писать никакой духовной грамоты. Такимъ образомъ, эта духовная грамота должна принадлежать другому какому-нибудь Димитрію Ивановичу, и она дѣйствительно принадлежитъ Димитрію Ивановичу, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что Димитрій Ивановичъ, внукъ Ивана III, въ, якобы, ему принадлежащемъ духовномъ завѣщаніи (№ 147), распоряжается тѣми самыми городами и и селеніями, которые получилъ Димитрій Ивановичъ Угличскій.

153) Въ «Исторіи гор. Углича» Кисселя (стр. 202) слѣдующимъ за Димитріемъ Ивановичемъ Угличскимъ княземъ считается князь Ѳома Колычевъ. Угличская лѣтопись выражается о послѣднемъ такъ: «нѣкто отъ вельможныхъ бояръ, княжаго рода». Конечно, это былъ не владѣтельный князь, а намѣстникъ великаго князя. Слѣдуетъ замѣтить, что *Ѳома Семеновичъ Колычевъ* вовсе и не былъ княземъ, происходя изъ рода дворянъ Колычевыхъ. См. о немъ указаніе въ трудѣ покойнаго барона Боде-Колычева «Боярскій родъ Колычевыхъ» (М., 1886), стр. 22.

смерти его Угличъ присоединенъ былъ къ великому княжеству. Были, впрочемъ, и послѣ него въ Угличѣ князья: Юрій Васильевичъ, братъ Ивана Грознаго [154]), получившій этотъ городъ по завѣщанію отца; потомъ сынъ Грознаго св. царевичъ Димитрій, но первый изъ нихъ получилъ Угличъ просто какъ доходную статью, а для втораго этотъ городъ былъ, можно сказать, мѣстомъ благовидной ссылки.

---

154) Юрій Васильевичъ получилъ Угличъ въ 1534 г. См. П. С. Р. Л. VIII, 285.

Печатано съ разрѣшенія г. Ярославскаго Губернатора
Извлечено изъ Яросл. Губерн. Вѣдом. 1888 г.

Ярославль. Въ тип. Губ. Правл.

20070411112